

Религия Древнего Рима

Сирил Бейли

The Religion of Ancient Rome

Cyril Bailey

The Project Gutenberg eBook of The Religion of Ancient Rome.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Религия Древнего Рима

Автор: Сирил Бейли

Дата выхода: 12 июня 2006 [eBook #18564]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Джинни Хаус, Тьерри Альберто и командой Online Distributed Proofreading Team на <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE RELIGION OF ANCIENT ROME ***

Примечание транскриптора:

Близкий интервал между буквами NP в [таблице](#) на стр. 89 соответствует [оригинальной лигатуре](#).

РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

CYRIL BAILEY, M.A.

СТИПЕНДИАТ И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КОЛЛЕДЖА БАЛЛИОЛ, ОКСФОРД

ЛОНДОН
ARCHIBALD CONSTABLE & CO Ltd
1907

Я хочу выразить сердечную благодарность мистеру У. Уорду Фаулеру за его любезность при чтении моих гранков, а также за множество ценных советов и предложений.

С.В.

Баллиол-колледж,
25 января 1907 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА.	СТРАНИЦА
I. Введение - источники и область применения	1
II. Предшественники римской религии	4
III. Основные черты религии Нумы	12
IV. Ранняя история Рима - земледельческая община	31
V. Культ домашнего хозяйства	36
VI. Поклонение полям	58
VII. Поклонение государству	75
VIII. Авгуры и покровители	96
IX. Религия и мораль - Заключение	103

РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

ГЛАВА I

ВВЕДЕНИЕ - ИСТОЧНИКИ И ОБЪЕМ

Состояние наших знаний о религии раннего Рима, возможно, лучше всего проиллюстрировать параллелью из римской археологии. Посетитель римского Форума в наши дни, если он хочет воссоздать в воображении Форум ранней Республики, должен не просто "отбросить" многие пласты более поздних зданий, но, как нам говорят, представить себе совершенно иную ориентацию целого: верхний слой останков, который он видит перед собой, в большинстве случаев не просто бесполезен, но положительно вводит в заблуждение. Точно так же, если мы хотим составить представление о подлинной римской религии, мы не можем сразу найти ее в классической литературе; мы должны изгнать из нашего сознания все, что связано с контактами с Востоком и Египтом, и даже с другими расами Италии, и мы должны представить, так сказать, совершенно другую ментальную ориентацию до великого наплыва греческой литературы и греческой мысли, которая дала совершенно новый поворот римским идеям в целом, и в частности революционизировала религию введением антропоморфных понятий и чувственных представлений. Но в этом трудном поиске мы не остались без указаний, которые могли бы нас направить. В трудах сциентистов поздней Республики и Империи, а также поэтов эпохи Августа, хотя в их толкованиях и прослеживаются греческие тенденции, воплощено огромное богатство древних обычаев и ритуалов, которые становятся значимыми, когда мы однажды улавливаем их смысл. Более прямые свидетельства предоставляются большим количеством надписей и памятников, и прежде всего сохранившимися календарями римского праздничного года, которые дают нам истинное представление о церемониале ранней религии.

В рамки данного очерка не входит, за исключением отдельных иллюстраций, процесс интерпретации, с помощью которого терпеливая работа ученых вычленила форму и дух родной религии из массы инородных вкраплений. Я намерен скорее предположить этот процесс и, насколько это возможно в столь спорном вопросе, опираться на результаты, по которым авторитеты в целом согласны. Также не будет предпринята попытка проследить развитие, которое ранняя религия претерпела в более поздние периоды, когда добавлялись инородные элементы, а чужие идеи изменяли и переделывали старую традицию. Мы должны ограничиться одной эпохой, когда родной римский дух без посторонней помощи развил идеи, унаследованные от полуцивилизованных предков, и сформировал тот свод верований и ритуалов, который всегда, по крайней мере официально, был ядром римской религии и составлял то, что сами римляне - ярые верующие в свою собственную традиционную историю - любили называть "религией Нумы". Мы должны выяснить, насколько унаследованные от него представления совпадают с представлениями других примитивных религий, но в особенности мы должны попытаться отметить, что характерно для римлян как в обычаях и ритуалах, так и в мотивах и духе, которые их породили.

ГЛАВА II

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ" РИМСКОЙ РЕЛИГИИ

В каждой ранней религии, помимо внешнего влияния, конечно же, можно найти следы ее внутреннего развития, этапы, на которых она должна была пройти путь от массы смутных и примитивных верований и обычаев до организованного поклонения цивилизованного сообщества. Религия Рима не является исключением из этого правила; мы можем обнаружить в его позднейшей практике следы примитивных представлений и привычек, которые были у него общими с другими полуварварскими народами, и мы увидим, что ведущая идея его теологии - это всего лишь характерное для Рима развитие характерной черты большинства ранних религий.

1. Магия. - Антропология научила нас, что во многих примитивных обществах религии - чувству зависимости человека от высшей силы - предшествует стадия магии - веры в собственную силу человека влиять оккультными средствами на действие окружающего его мира. То, что предки римского сообщества прошли через эту стадию, кажется очевидным, и в сохранившейся религиозной практике мы можем обнаружить свидетельства такой магии в различных формах. Например, существует то, что антропология называет "симпатической магией" - попытка повлиять на силы природы путем имитации процесса, который они должны совершить. Характерным примером этого является церемония *акваэлициума*, призванная вызвать дождь после долгой засухи. В классические времена церемония состояла из процессии во главе с понтификами, которые несли священный камень дождя от места его упокоения у Porta Sarena до Капитолия, где совершались подношения небесному божеству Iuppiter, но^[1] из аналогии с другими примитивными культами и священного названия камня (*lapis manalis*), практически несомненно, что первоначальным ритуалом был чисто имитационный процесс обливания камня водой. Аналогичное заклинание дождя, возможно, можно увидеть в любопытном ритуале *argeorum sacra*, когда куклы из соломы бросались в Тибр - символическое орошение посевов, которому можно найти множество параллелей у других примитивных народов. Сочувственное очарование довольно другого характера,

кажется, сохранилось в церемонии *augurium canarium*, на которой рыжая собака приносилась в жертву ради процветания урожая - символическое убийство красной плесени (*robigo*); и снова заклание беременных коров в *Fordicidia* в середине апреля, перед всходами кукурузы, имеет явно сочувственную связь с плодородием земли. Другим важным выживанием, столь же характерным для примитивных народов, является сакральность, придаваемая личности царя-жреца, так что каждое его действие или слово может иметь магическое значение или эффект. Это отражается в целом в римском священстве, но особенно в церемониях, связанных с жрецом Юпитера *Фламеном Дуалисом*. Он должен всегда появляться в праздничной одежде, огонь от его очага нельзя брать только для священных целей, никто другой никогда не может спать в его постели, срезы его волос и ногтей должны быть сохранены и похоронены под *беседкой феликс* - несомненно, магический амулет для плодородия - он не должен есть или даже упоминать козла или бобы, или другие предметы несчастливой природы.

2. Поклонение природным объектам. - Очень распространенной чертой раннего развития религиозного сознания является поклонение природным объектам - в первую очередь самим объектам и не более, а позднее - духу, обитающему в них. Несомненно, в отдельных случаях это различие трудно провести, и мы видим, что среди римлян более раннее поклонение объекту имеет тенденцию уступать место культу обитающего в нем духа, но можно найти примеры, которые, по-видимому, относятся к более ранней стадии. Например, священный камень (*silex*), который хранился в храме Юпитера на Капитолии и был извлечен оттуда, чтобы сыграть важную роль в церемонии заключения договора. Фетий, который в тот раз представлял римский народ, в торжественный момент принесения клятвы ударял *силексом* по жертвенной свинье, говоря при этом: "Ударь, Деспитер, римский народ, как я сегодня бью эту свинью, и ударь его еще сильнее, поскольку ты больше и сильнее". Здесь, несомненно, заложена не просто символическая идея, но камень сам по себе является богом - идея, которую более поздняя религия выразила в культовом названии, специально используемом в этой связи, *Iuppiter Lapis*. Так же, по всей вероятности, *термини* или межевые камни между владениями изначально были объектами - хотя позже только местом проведения ежегодного ритуала на празднике Терминалии 23 февраля, и они, как бы, суммировались в "боге Терминусе", великом священном межевом камне, который имел свое собственное святилище в Капитолийском храме, потому что, согласно легенде, "бог" отказался сдвинуться с места даже для того, чтобы освободить место для Юпитера. То же представление, скорее всего, лежит в основе двух великих домашних культов Весты, "очага", и Януса, "двери", хотя вскоре с ними была связана более духовная идея; в этой связи можно отметить поклонение источникам, выраженное в последующем божестве Фонтане, и рекам, например, Вольтурнусу, культовому имени Тибра.

3. Поклонение деревьям. Но наиболее заметным среди культов природных объектов, как и во многих других примитивных религиях, является поклонение деревьям. Здесь, хотя, несомненно, сначала дерево само по себе было объектом почитания, сохранившиеся примеры, скорее, относятся к более позднему периоду, когда оно рассматривалось как обитель духа. В качестве примера можно привести *фикус Руминалис*, который когда-то был объектом поклонения, хотя более поздние легенды, предпочитавшие находить историческое или мифическое объяснение культов, считали его священным, поскольку именно на нем волчица сосала Ромула и Рема. Другая смоковница с похожей историей - *капрификус* на *Campus Martius*, впоследствии место поклонения *Iuno Caprotina*. Более значительным случаем является священный дуб Юпитера Феретрия на Капитолии, на который после триумфа вешали *spolia opima* - вероятно, в ранние времена это было посвящение добычи духу, обитавшему на дереве. За пределами Рима, демонстрируя те же идеи у соседних

народов, находилась "золотая ветвь" в роще Дианы в Ариции. Не только особые деревья считались местом обитания божества; дерево в целом священо, и в любом из них может поселиться дух. Чувства деревенского населения по этому поводу ясно выражены в молитве, которую Катон рекомендует своему фермеру произнести перед тем, как расчистить место в лесу: "Будь ты бог или богиня, которым священна эта роща, да будет нам дано принести тебе умиловительную жертву со свиньей за расчистку этого священного места"; здесь мы имеем явный пример того, что дерево рассматривается как жилище священной силы, и интересно сравнить множество подобных примеров, которые[2] доктор Фрейзер собрал из разных частей мира.

4. Поклонение животным - О поклонении животным мы имеем сравнительно мало свидетельств в римской религии, хотя, возможно, мы можем обнаружить его в части таинственного ритуала Луперкалий, где Луперки одевались в шкуры принесенных в жертву козлов и мазали свои лица кровью, таким образом символически пытаясь привести себя в единение со священным животным. Мы можем распознать его и в ассоциации определенных животных с божествами, например, священного волка и дятла Марса, но в целом мы можем сомневаться, что поклонение животным когда-либо играло столь заметную роль в римской религии, как культ других природных объектов.

5. Анимизм. - Таковы некоторые из выживших элементов очень ранних стадий религиозных обычаев, которые все еще сохранили свое место в развитой религии Рима, но, безусловно, самым важным элементом в ней, который можно назвать ее "непосредственным предшественником", является состояние религиозного чувства, которому антропологи дали название "анимизм". Насколько мы можем проследить развитие ранних религий, такое отношение ума кажется прямым результатом неудачи магии. Примитивный человек начинает понимать, что ни он, ни его маги на самом деле не обладают тем оккультным контролем над силами природы, который был предполагаемой основой магии: чары не работают, заклинание не вызывает дождь, и когда он ищет причину, то может только утверждать, что эти вещи должны в руках какой-то силы, более высокой, чем его собственная. Тогда мир и его различные привычные объекты становятся для него населенными духами, похожими по характеру на людей, но более могущественными, и его успех в жизни и ее различных операциях зависит от того, в какой степени он способен умиловить этих духов и добиться их сотрудничества. Если он желает дождя, то должен заручиться благосклонностью духа, управляющего им; если он хочет свалить дерево и не пострадать, то должен с помощью соответствующих подношений уговорить обитающего в нем духа покинуть его. Его "теология" на этом этапе - это знание о различных духах и их жилищах, его ритуал - надлежащее исполнение жертвоприношений для целей умиловления и искупления. Именно в таком состоянии религиозного чувства, должно быть, жили предки Рима до того, как основали свое сельскохозяйственное поселение на Палатине: теперь мы должны попытаться понять, насколько оно сохранило этот характер и какие изменения претерпело, когда выкристаллизовалось в "религию Нумы".

ССЫЛКИ:

[1] Frazer, *Golden Bough*, vol. i. pp. 81 ff.

[2] *Golden Bough*, vol. i. pp. 181-185.

ГЛАВА III

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ РЕЛИГИИ НУМЫ

1. Характерное название божественного духа в древнейшем слое римской религии - не *deus*, бог, а скорее *numen*, сила: он становится *deus*, когда получает имя, и таким образом находится на пути к обретению определенной личности, но по происхождению он просто "дух" "анимистического" периода, и сохраняет некоторые характеристики духа. Так, среди домашних божеств мы увидим позже, что Гений и даже Лар Фамилиарис, хотя и достигли большого достоинства зачатия и были центром семейной жизни и в некоторой степени семейной морали, никогда не поднимались до положения полноценных богов; В то время как среди полевых духов дикость и безрассудство характера, связанные с Фавном и его спутником Инуусом - почти кобольшами или хобгоблинами стад - четко отражают старую "анимистическую" веру в природную злобность духов и их враждебность к людям. Понятие *numena* всегда расплывчато и неопределенно: даже его пол может быть неопределенным. "Будь ты бог или богиня" - это форма обращения в молитве фермера, уже цитировавшейся у Катона: "будь он мужчина или женщина" - постоянная формула в литургиях и даже в посвященных надписях гораздо более позднего периода.

Эти духи, как мы уже видели, вселяются в предметы природы и управляют ее явлениями: но для римлянина они были чем-то большим. Они не только населяли места и вещи, но и руководили каждой фазой развития природы, каждым состоянием или действием в жизни человека. Варро, например, дает нам список божеств, имеющих отношение к ранней жизни ребенка, который, хотя и несет на себе следы жреческой проработки, все же может быть воспринят как типичный для нормальной римской семьи. Здесь есть Ватикан, который открывает ребенку рот для плача, Кунина, которая охраняет его колыбель, Эдулия и Потина, которые учат его есть и пить, Статилинус, который помогает ему встать, Адеона и Абеона, которые следят за его первыми шагами, и многие другие, каждый со своей особой областью защиты или помощи. Фермер также находится в руках целого сонма божеств, которые помогают ему на каждом этапе пахоты, мотыжения, сева, жатвы и так далее. Если *numenu* и не

хватает индивидуальности, то у него есть очень четкая специализация функций, и если человек хочет, чтобы его обращение к божеству было успешным, он должен быть очень осторожен, чтобы сделать это в правильном направлении: в римской комедии было обычной шуткой заставить персонажа "просить воды у Либера или вина у нимф". Поэтому в молитвенных формулах Катона и других авторов мы находим самые тщательные меры предосторожности, чтобы случайно не пропустить соответствующее божество: обычно поклоняющийся проходит через весь список богов, которые, как считается, имеют власть в особых обстоятельствах; иногда он завершает свою молитву формулой "кто бы ты ни был" или "и любое другое имя, которым ты, возможно, пожелаешь, чтобы тебя называли". *Нумен*, таким образом, расплывчат в своем представлении, но специализирован в своей функции, и поэтому позже, когда определенные божества приобрели определенные имена и стали выделяться над остальными, поклоняющийся им добавляет культовый титул, чтобы указать на особый характер, в котором он хочет, чтобы божество услышало его: роженица обращается к *Iuno Lucina*, генерал, молящийся о победе, к *Iuppiter Victor*, человек, дающий клятву, к *Iuppiter* как к божеству *Fidius*. Еще позднее культ-титул как бы отделяется и возникает сам по себе, обычно в виде абстрактного олицетворения: *Iuppiter* в двух только что отмеченных особых качествах порождает *Victoria* и *Fides*.

Концепция *нумена* была столь бесформенной и неопределенной, что неудивительно, что в подлинной римской религии вообще не должно было быть антропоморфных изображений божества. В течение 170 лет, - рассказывает Варро, отталкиваясь от традиционного основания города в 754 году до н. э., - римляне поклонялись своим богам без изображений, и добавляет характерный комментарий: "Те, кто ввел представления среди народов, отняли страх и ввели ложь". Символы некоторых божеств, несомненно, были признаны: мы уже заметили *силекс* Юпитера и *межевой камень* Терминуса, которые, вероятно, в более ранний период сами были объектами поклонения, и к ним можно добавить священные копья Марса и *сигиллы* государства-Пенатов. Но по большей части *нумины* были лишены даже такого символического представления, и примерно до конца царского периода для них не было построено ни одного храма, в котором они могли бы жить. Священный огонь Весты возле Форума, правда, с древнейших времен был заключен в здание; однако это был не храм, а просто сооружение с практической целью предотвратить угасание огня из-за дождя. Первый храм в полном смысле этого слова, согласно традиции, был построен Сервием Туллием в честь Дианы на Авентине: традиция очень важна, поскольку Диана не была одной из *di indigetes*, старых божеств "религии Нумы", а была привезена из соседнего города Ариция, и приписывание Сервию Туллию почти всегда указывает на этрусское^[3] или, во всяком случае, неримское происхождение. Однако в особых местах стояли алтари, посвященные конкретным божествам, построенные иногда из камня, иногда из земли или дерна. Например, мы слышим об алтаре Марса в Кампус Мартиус, Квирина на Квиринале, Сатурна у подножия Капитолия и, в частности, о любопытном подземном алтаре Консуса на месте, где впоследствии находился Цирк Максимус. Но более характерным, чем возведение алтарей, является связь божеств с особыми местностями. Естественно, что в домашнем культе Веста располагалась у очага, Янус - у двери, а "боги хранилища" (*Penates*) - в шкафу у очага, но та же идея проявляется и в государственном культе. Вершины холмов, рощи и особенно поляны в рощах (*luci*) - самые обычные священные места. Так, Квирина имеет свой священный холм, Юпитеру поклоняются на Капитолии, Веста и Юнона Луцина имеют свои священные рощи в черте города, а Деа Диа, Робигус и Фуррина - аналогичные рощи на границах римской территории. Записи почти каждого римского культа показывают, насколько важна местность в связи с *ди индигетами*, а места обычно такие, какие естественно было бы выбрать пастушескому и земледельческому народу.

Примерно таковы основные контуры подлинной римской "теологии". В ней нет богов в человеческом обличье с человеческими отношениями друг к другу, заинтересованных в жизни людей и способных на самые глубокие страсти ненависти и привязанности к ним, как, например, в мифологии Греции, но только эти безличные индивидуальности, если их можно так назвать, не способные ни на какие отношения друг с другом, но способные приносить людям добро или зло, локализованные обычно в местах их обитания, но не требующие искусственного жилища или тщательного украшения своей обители; постепенно становясь все более и более специализированными в своих функциях, но не приобретая тем самым реальной заботы о своих поклонниках - холодная и бессердечная иерархия, готовая взыскать с них положенное, но неспособная вдохновить на преданность или энтузиазм. Далее спросим, как римляне представляли себе свои собственные отношения к ним.

2. Отношения богов и людей... Характер римлянина был по сути своей практически, а его естественная ментальная позиция - адвокатской. Поэтому в его отношении к божественным существам, которым он поклонялся, было мало чувств и привязанностей: все должно было регулироваться четко понятыми принципами и выполняться с формальной точностью. Поэтому *ius sacrum*, свод прав и обязанностей в области религии, рассматривается как отдел *ius publicum*, фундаментальной конституции государства, и важно, как заметил Марквардт, что именно Нума, царь и законодатель, а не пророк или поэт, рассматривался как основатель римской религии. Отталкиваясь от общего для всех религий чувства зависимости от высших сил (*religio*), римлянин придает ему свой характерный оттенок, представляя эту зависимость как аналог гражданского договора между человеком и богом. Обе стороны обязаны выполнить свою часть: если бог отвечает на молитву человека, он должен отплатить ему благодарностью: если человек выполнил "свой долг и службу", бог должен вернуть долг: если он этого не сделал, то причина либо в неосознанном несоблюдении человеком точной буквы закона, либо, если бог действительно нарушил договор, он, так сказать, выставил себя вне суда, и человек может искать помощи в другом месте. В этом понятии кроется секрет готовности Рима в стрессовых обстоятельствах, когда все обращения к старым богам оказывались безуспешными, принимать чужие божества и культы в надежде на больший успех.

Возможно, договор-нотация проявится более отчетливо, если мы рассмотрим один или два обычных религиозных акта римского человека или государства. Возьмем, прежде всего, совершение регулярных жертвоприношений или актов поклонения, предписанных государственным календарем, или празднование домашних *sacra*. *Пиетет* человека заключается в их надлежащем исполнении, но он может по небрежности пропустить их или ошибиться в используемом ритуале. В этом случае боги как бы берут верх в договоре и не обязаны выполнять свою долю, но человек может исправить ситуацию, принеся *пиакulum*, который может принимать форму либо дополнительного жертвоприношения, либо повторения первоначального обряда. Так, например, когда Катон дает своему фермеру указания по люстрации его полей, он снабжает его в конце двумя важными формулами: "Если, - говорит он, - ты потерпел неудачу в каком-либо отношении в отношении всех твоих жертвоприношений, используй эту формулу: "Отец Марс, если ты не нашел удовлетворения в моем прежнем приношении свиньи, овцы и вола (самое торжественное сочетание в деревенских жертвоприношениях), то пусть это приношение свиньи, овцы и вола успокоит тебя"; если же ты ошибся в одном или двух только своих приношениях, то скажи: "Отец Марс, поскольку ты не нашел удовлетворения в той свинье (или в чем бы то ни было), пусть эта свинья успокоит тебя"". С другой стороны, в случае намеренного пренебрежения не было никакого средства защиты: человек становился *impius*, и богам оставалось наказывать его по своему усмотрению (*deorum iniuriae dis curae*).

Но помимо регулярно совершаемых религиозных обрядов, могли быть и особые случаи, когда между богом и человеком устанавливались новые отношения. Иногда инициатива исходила от человека: желая получить от богов благословение, на которое он рассчитывал, он заключал *votum*, особый договор, по которому обязывался совершить определенные действия или принести определенные жертвы в случае исполнения своего желания. Вся процедура строго законна: с момента принесения клятвы человек находится в положении *voti reus*, то есть ответчика по делу, решение которого еще не принято; как только боги выполнили свою часть договора, он становится *voti damnatus*, обреченным, так сказать, на возмещение убытков, проиграв свой иск; он не восстанавливает свою независимость, пока не выплатит то, что обязался: *votum reddidi lubens merito* ("Я заплатил свой обет с радостью, как положено") - характерная формулировка вотивных надписей. Если боги не исполняли желания, человек, конечно, был свободен, и иногда договор заходил так далеко, что срок их действия устанавливал сам давший обет: юридическая точность вряд ли может идти дальше.

Или же инициатива могла исходить от богов. Какое-нибудь заметное несчастье, землетрясение, молния, сильный голод, знаменательное рождение или другое подобное явление было бы признано *prodigiумом* или знаком неудовольствия бога. Так или иначе, договор должен был нарушен с человеческой стороны, и обязанностью государства было позаботиться о восстановлении *pax deum*, равновесия нормальных отношений между богом и человеком. Правильным действием в таком случае было *lustratio*, торжественное очищение народа - или той его части, которая была вовлечена в недовольство бога, - с двойной целью: устранить первоначальную причину несчастья и предотвратить будущие причины божественного гнева. Возможно, коммерческое понятие здесь не столь отчетливо, но основополагающая правовая связь достаточно выражена.

Если задаться вопросом, были ли отношения между римлянином и его богами дружественными или недружественными, то правильным ответом, вероятно, будет, что ни то, ни другое. Скорее, это было то, что Аристотель, говоря о человеческих отношениях, называет "дружбой ради выгоды": в нее вступают, потому что обе стороны надеются на какую-то выгоду, и она сохраняется до тех пор, пока обе стороны выполняют свои обязательства.

3. Церемониал. - Иногда говорят, что старая римская религия была культом и ритуалом без догмы или веры. Как мы видели, изначально это не совсем верно, и было бы справедливее сказать, что вера была скорее скрытой, чем несуществующей: это можно увидеть, например, из диалогов Цицерона на тему религии, где при обсуждении четко прослеживается фундаментальный смысл зависимости человека от помощи богов: В домашнем поклонении семьи культ тоже всегда был в какой-то степени "окрашен эмоциями" и освящен верой, которая делала его более живым и, в конечном счете, более постоянным, чем религия государства. Но несомненно, что по мере развития общества вера отходила на второй план: развитие происходило в культе, а не в теологии, так что к концу Республики, например, хотя праздник Фурриналии должным образом отмечался каждый год 25 июля, природа или функции богини Фуррины были, как мы узнаем от Цицерона, чистым предметом предположений, а Варро говорит нам, что ее имя было известно лишь нескольким людям. Не простое течение времени имело тенденцию затушевывать теологию и возвышать церемониал: их относительное положение было непосредственным и естественным результатом лежащей в основе идеи отношения бога и человека. Преданность, благочестие - в нашем понимании этого термина - и ощущение божественного присутствия не могли быть предписаны или даже поощрены строго юридической концепцией, на которой основывалась религия: "договор-нотация" требовал не "правильного духа", а правильного исполнения. Так и получается, что во всех записях, оставшихся от старой религии, главной

особенностью, которая привлекает и удерживает наше внимание, является точность ритуала. Все должно быть исполнено не просто "пристойно и в порядке", но с самым скрупулезным вниманием как к каждой детали самого обряда, так и к окружающим обстоятельствам. Пропуск или неправильная замена одного слова в формулах, малейший признак сопротивления со стороны жертвы, любой беспорядок среди посторонних, даже случайный писк мыши - всего этого достаточно, чтобы испортить весь ритуал и потребовать его повторения с самого начала. Одной из главных функций римского священства было сохранение в неприкосновенности традиции формул и ритуала, и, когда магистрат приносил жертву за государство, *понтифик* стоял рядом с ним и диктовал (*praeire*) формулы, которые он должен был использовать. Почти самым древним образцом латыни, которым мы сейчас располагаем, является песня салиев, жрецов Марса, передававшаяся из поколения в поколение и повторявшаяся со скрупулезной тщательностью, хотя сами жрецы, как уверяет нас Квинтилиан, не имели ни малейшего представления о том, что она означает. Не только слова церемониала имели жизненно важное значение: другие детали должны были соблюдаться с такой же точностью. Место, как мы видели, было существенной чертой даже в концепции божества, и, должно быть, потребовалось все личное влияние Августа и его окружения, чтобы примирить народ Рима, у которого перед глазами все еще находился древний дом богини, со вторым святилищем Весты в пределах его дворца на Палатине. Выбор подходящего жертвоприношения вновь стал делом первостепенной важности и был продиктован множеством соображений. Пол жертвы должен соответствовать полу божества, которому она приносится, белые звери должны быть отданы богам верхнего мира, черные жертвы - божествам нижнего. Марс на своем октябрьском празднике должен был получить своего коня, Иуно Капротина - свою козу, а Робигус - свою собаку, в то время как на более деревенских праздниках, таких как Парилия, подношение было бы простым даром просяных лепешек и чаш с молоком: в случае с Бона Деа мы имеем любопытное положение, что если вино используется в церемонии, оно должно, поскольку она была по происхождению пастушеским божеством, всегда говориться как "молоко". Лица, которые могли присутствовать на различных праздниках, также были строго определены: мужчины не допускались на Матроналии 1 марта, Весталии 9 июня и ночной праздник Вона Деа: печально известная выходка Хлодия в 62 году до н. э. показывает, какой скандал вызвало нарушение этого правила даже в тот период, когда религиозный энтузиазм был на самом низком уровне. Рабы специально допускались к участию в некоторых праздниках, таких как Сатурналии и Компиталии (праздник ларов), а на Матралии (праздник матрон) женщину-рабыню приводили с явной целью, чтобы потом значительно прогнать.

Общее представление о точности ритуала, возможно, станет яснее, когда мы перейдем к детальному рассмотрению некоторых праздников, но для понимания римского религиозного мировоззрения чрезвычайно важно с самого начала рассматривать его как существенную часть выражения отношения человека к богу.

4. Непосредственность отношений - функции жрецов - В противовес всей этой точности ритуала, которая имеет тенденцию почти отчуждать человечество от божества, мы можем обратиться к другой, едва ли менее заметной черте римской религии - непосредственности отношений между богом и его поклонниками. Не только отдельный человек может в любое время подойти к алтарю бога со своей молитвой или благодарственной жертвой, но и в каждом сообществе людей его религиозный представитель является его естественным главой. В семье глава семейства (*pater familias*) также является жрецом и отвечает за отправление религиозного культа всем домом, как свободным, так и рабами: Жене и дочерям он оставляет обряды, связанные с очагом (*Веста*) и божествами кладовой (*Пенаты*), а судебному исполнителю - жертвоприношение силам, охраняющим его поля (*Ларес*), но

остальные культовые действия дома и в поле он совершает сам, а его сыновья выступают в роли его аколитов. Раз в год он встречается со своими соседями на границах их владений и совершает общее поклонение над межевыми камнями. Таким образом, в[4] более крупной разновидности семьи, *gens*, состоявшей из всех лиц с одинаковой фамилией (*nomen*, а не *cognomen*), *gentile sacra* находится в руках более состоятельных членов, которые считаются ее главами; У нас есть любопытный случай, когда Хлодий даже после своего принятия в другую семью обеспечил поклонение *gens Clodia* в своем собственном доме, и мы можем вспомнить изображение Вергилия, где основатели *gentes Potitii* и *Pinarii* совершают жертвоприношение Геркулесу на *ara maxima*, что было традиционной привилегией их домов. Когда общества (*sodalitates*) создаются для религиозных целей, они избирают своих собственных *magistroв* в качестве религиозных представителей, как мы видим в случае с Салиями и Луперками. Наконец, в большом государственном сообществе царь является жрецом, и с той точностью параллелизма, которая так нравилась римлянам, он, подобно *pater familias*, *оставляет* поклонение Весте в руках своих "дочерей", весталок-девственниц. И вот, когда устанавливается республика, специальный чиновник, *rex sacrorum*, наследует ритуальные обязанности царя, а руководство весталками переходит к его представителю в вопросах религиозного права, *pontifex maximus*, официальной резиденцией которого всегда является *regia*, дворец Нумы. Государство - это всего лишь расширенное домашнее хозяйство, а глава государства - его религиозный представитель.

Если подход к богам настолько прямой, то где, спрашивается, в организации римской религии место для жреца? Два момента, касающиеся римского жречества, имеют первостепенное значение. Во-первых, они не являются обособленной кастой: хотя существовали ограничения на занятие светских должностей в сочетании со священством - всегда строго соблюдаемые в случае *rex sacrorum* и, за редким исключением, в случае больших *flamines* - все же *понтифики* всегда могли принимать участие в общественной жизни, и между ними и остальной частью общества не существовало никакого барьера: Сам Юлий Цезарь был *pontifex maximus*. Во-вторых, они не считаются представителями богов или посредниками между богом и человеком, а просто административными чиновниками, назначенными для исполнения актов государственного поклонения, так же как магистраты для гражданского и военного управления. Изначально они были выбраны для помощи царю в выполнении разнообразных обязанностей государственного культа: *фламинины* должны были выступать в качестве специальных жрецов определенных божеств, наиболее известными среди которых были три великих жреца Юпитера (*flamen Dialis*), Марса и Квирина; *понтифики* иногда были делегатами царя по особым случаям, но в большей степени составляли его религиозный *консилиум*, совещательный орган, чтобы давать ему советы относительно ритуала и выступать в качестве хранителей традиции. В более поздние времена *фламинги* все еще сохраняют свой первоначальный характер, *понтифики* и особенно *pontifex maximus* отвечают за всю организацию государственной религии и являются хранителями и толкователями религиозных преданий. В государственном культе жрецы играли очень важную роль, но их отношение к индивидуальному культу было очень незначительным. Они имели общее руководство над частными культами, и их разрешение требовалось для введения любого нового домашнего культа; также в случаях, когда частное лицо сомневалось в ритуале или законности какой-либо религиозной практики, оно могло обратиться к *понтификам* за решением. В остальном священник никогда не мог вмешиваться в семейное богослужение, за исключением случаев самой торжественной формы брака (*confarreatio*), который, поскольку давал детям право занимать определенные должности священников, сам считался церемонией государственной религии.

Тогда в своем частном поклонении человек имел непосредственный доступ к божеству, и, несомненно, именно отсутствие жреческого посредничества и вытекающее отсюда чувство личной ответственности, а также его эмоциональная значимость обусловили большую реальность и постоянство домашнего культа по сравнению с организованными и официальными культами государства.

СНОСКИ:

[3] Этрусские строители, согласно традиции, работали на самых ранних римских храмах.

[4] В этом можно усомниться, но см. De Marchi, *Il Culto Privato*, vol. ii.

ГЛАВА IV

РАННЯЯ ИСТОРИЯ РИМА - СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ОБЩИНА

После этого наброска основных черт, которые мы должны ожидать найти в римской религии, мы можем попытаться более подробно рассмотреть ее различные отделы, но перед этим необходимо составить некоторое представление о положении и характере римской общины: религия не в малой степени определяется естественным окружением и занятиями людей. Естественно, этот вопрос вызывает много споров, но некоторые факты, имеющие большое значение для нашей цели, можно с уверенностью считать установленными. Самым ранним поселением, которое можно назвать "Римом", было поселение на Палатинском холме, который возвышается над долинами более круто, чем другие холмы, и был естественным местом для укрепления: очертания стен и священной ограды, выходящей за их пределы

(*pomoerium*), все еще можно проследить, отмечая границы "квадратного Рима" (*Roma quadrata*), как его называли историки. Палатинцы, несомненно, занимались сельским хозяйством в соседних долинах и на холмах и постепенно начали расширять свое поселение, пока оно не охватило Эсквилин, Келиан и другие небольшие высоты, составляющие Септимоний - следующий этап развития Рима. Тем временем на противоположных холмах - Квиринале и Виминале - возникло родственное поселение, и в конце концов эти две общины объединились, заключив в свои пределы Капитолий и место встреч в долине, разделявшей их, - Форум. Так образовался Рим Четырех Регионов, представляющий собой предельную степень своего развития в период, который привел к возникновению истинно римской религии. Все эти этапы наложили свой отпечаток на религиозные обычаи. *Roma quadrata* выходит на первый план в Луперкалии: местом проведения церемонии является не только грот на Палатине (*Луперкаль*), но и когда *Луперки* проводят свой очистительный обряд вокруг границ, именно окружность Палатинского холма обозначает его пределы. Ежегодно 11 декабря отмечался праздник Септимония, но не всем народом, а *montani*, предположительно жителями тех частей Рима, которые были включены во второе поселение. Наконец, добавление поселения Квиринал отмечено включением в число великих государственных богов Квирина, который, должно быть, ранее был местным божеством общины Квиринал.

Но для нас важнее истории раннего поселения его характер. Мы говорили о раннем Риме как о сельскохозяйственной общине: точнее и полезнее было бы описать его как общину сельскохозяйственных домохозяйств. Все институты Рима, как правовые, так и религиозные, указывают на домохозяйство (*familia*) как на изначальную единицу организации: индивид как таковой не имел значения, община была лишь совокупностью семей. Таким образом, домашний культ не просто не зависел от религии общины: он предшествовал ей, являясь ее историческим и логическим истоком. Однако жизнь раннеримского земледельца не могла ограничиваться домашним хозяйством: в обработке полей и уходе за скотом он встречался со своим соседом, а общие интересы предполагали общую молитву и благодарение. Так возникла великая череда сельскохозяйственных праздников, которые составляют основу государственного календаря, но изначально были - как некоторые из них до сих пор остаются - независимыми актами поклонения групп сельскохозяйственных домохозяйств. Постепенно, по мере роста общины, как мы только что видели, росло и ощущение организованного государства, как чего-то большего, чем случайное скопление семей или кланов (*gentes*). По мере укрепления чувства единения росла и необходимость общего поклонения богам, и государственный культ возник прежде всего как повторение от имени всей общины тех поклонений, которые ее члены совершали по отдельности в своих домах или как совместные поклонники в поле. Но концепция государства должна нести в себе, по крайней мере, две идеи, помимо общих потребностей его членов: должна быть внутренняя организация для обеспечения внутреннего спокойствия и - поскольку будут происходить столкновения с другими государствами - внешняя организация для целей нападения и обороны. Религия следует новым идеям, и в двух древних божествах полей развиваются понятия справедливости и войны. Возникает организация, и общие понятия государства-божества и государства-ритуала становятся более определенными и точными.

Будет естественно и удобно, если мы рассмотрим эти три отдела религии в том порядке, который был только что предложен: поклонение домашнему хозяйству, поклонение полям, поклонение государству. Но не следует забывать, что и сами отделы, и свидетельства о них часто пересекаются. Культ домашнего хозяйства не полностью отличен от культа полей, а культ государства, как мы видели, в значительной степени повторяет два других. Свидетельства о домашних и сельскохозяйственных культах сами по себе очень скудны, и

нам часто приходится делать выводы на основе их аналогов в государстве. Прежде всего, не следует полагать, что в сознании римлянина существовала какая-то жесткая и быстрая грань между этими тремя культами; но для целей анализа различие ценно и представляет собой историческую реальность.

ГЛАВА V

ДОМАШНИЙ КУЛЬТ

1. Поклонение домашним **божествам** возникло, как уже говорилось, из чувства святости определенных объектов, тесно связанных с жизнью семьи: двери, защищавшей от внешнего мира, через которую домочадцы уходили на работу утром и возвращались вечером, очага, дававшего тепло и пищу, и кладовой, где хранилась еда для будущего использования. Сначала, по всей вероятности, поклонялись самим предметам, но к тому времени, когда можно говорить о существовании Рима, "анимизм", несомненно, превратил его в почитание обитающих в нем духов, Януса, Весты и Пенатов.

О домашнем поклонении Ианусу до нас не дошло никаких сведений, но мы можем предположить, что, поскольку защита двери и ее основное использование лежали на мужчинах-домочадцах, они же, под контролем *pater familias*, отвечали за культ ее духа. Веста, конечно же, почиталась у очага женщинами, которые чаще всего использовали ее в приготовлении домашней пищи. В оригинальной круглой хижине, в которой жил первобытный римлянин, о чем свидетельствуют модели, которые он хоронил вместе со своими мертвецами и которые недавно были обнаружены в результате раскопок на Форуме, "пылающий очаг" (именно такое значение, по-видимому, имела Веста) был бы самым заметным священным предметом; поэтому неудивительно, что ее простой культ был самым стойким из всех на протяжении всей истории Рима и не отличался от своего первоначального представления. Даже Овидий может сказать любознательному человеку: "Не думай, что Веста - это что-то иное, чем живое пламя", и еще: "Веста и огонь не требуют чучела" - понятия, в которых он удивительно близко подошел к представлениям самой

ранней религии. Аналогичным образом и Пенаты сначала были "духами" - кем бы они ни были, - которые сохраняли и увеличивали запасы в шкафу. Затем, когда представление об индивидуальных божествах стало более четким, их стали отождествлять с теми или иными богами страны или государства, среди которых отдельный домохозяин выбирал тех, кто должен был стать конкретными пенатами его семьи: Церера, Иуно, Iuppiter, Палес - вот некоторые из тех, кого выбирали в более ранний период. Не следует также полагать, что выбор был произвольным: традиция семьи и клана, даже, возможно, местности, определяла выбор, подобно тому, как сегодня определяются святые покровители церкви в римско-католической стране.

Два других божества очень заметны в поклонении ранних домохадцев, и каждое из них является характерным продуктом римского религиозного чувства: Лар Фамилиарис и Гений. Лары[5], по-видимому, изначально были духами семейных полей: им поклонялись, как говорит Цицерон, "на ферме, в виду дома", и у них был ежегодный праздник в Компиталии, отмечаемый в местах, где проходил поход двух или более владений. Но один из этих духов, Лар Фамилиарис, нес особую ответственность за дом и хозяйство, и в этом качестве ему поклонялись вместе с другими домашними богами у очага. Поскольку его защита распространялась на всех домохадцев, включая рабов, его культ специально возлагается на жену судебного исполнителя (*vilica*). Ему регулярно поклоняются во время больших делений месяца на календы, ноны и иды, но он также имеет интимную и прекрасную связь с домашней историей семьи. Лару приносят жертву по случаю рождения, свадьбы, отъезда или возвращения, и даже - характерное для римлян дополнение - по случаю первого произнесения слова сыном дома: наконец, особенно торжественное жертвоприношение ему совершается после смерти в семье.

Гений - это, пожалуй, самое сложное для понимания современным умом понятие в римской религии. О нем говорят как о "святом покровителе" или "ангеле-хранителе" - оба эти понятия сродни понятию Гения, но оба слишком определены и антропоморфны: мы лучше поймем его, если будем четко помнить о понятии "нумен" и обратимся к корневому значению слова (*гений* связан с корнем *gignere*, порождать). В конце концов, это было лишь естественным развитием понятий "анимизма", чтобы представить, что человек тоже, как и другие объекты, имеет свой обитающий дух - не "душу" ни в нашем смысле моральных и интеллектуальных способностей, ни в древнем смысле жизненного принципа - но скорее, как предполагает деривация, по происхождению просто дух, который дает ему силу порождения. Таким образом, в доме сфера Гения - это уже не очаг, а брачное ложе (*lectus genialis*). Расширяя это понятие, Гений начинает обозначать все полные силы, почти личность, развитой мужественности, и особенно те силы, которые делают удовольствие и счастье: отсюда происходят такие общие фразы, как *genium curare*, *genio indulgere*, означающие практически "заботиться о себе", "баловать себя". Каждый мужчина, таким образом, имеет этот "дух своей мужественности" в своем Гении, и, соответственно, каждая женщина - свой Iuno, или дух женственности, которым поклоняются в дни рождения их обладателей. Несомненно, позже Гению стали приписывать власть над судьбой и несчастьем его обладателя, но он так и не обрел ничего похожего на независимость бога и всегда оставался скорее нуменом. Человек почитал своего собственного Гения, но домашний культ, как и следовало ожидать, был связан с Гением хозяина дома, главным Гением семьи. Особым местом его обитания, как уже отмечалось, было брачное ложе, а его символом - домашняя змея, которую держали как почитаемого обитателя и лелеяли, считая, что несчастье, случившееся с ней, означает несчастье для хозяина. Праздник Гения был, естественно, днем рождения хозяина, и в этот день рабы и вольноотпущенники отдыхали вместе с семьей и приносили подношения дому Гения. Знаменательно и может служить для выявления основной идеи, что на более поздних

картинах, когда антропоморфизм и чувственное представление господствовали над всей римской религией, хотя другие боги домашнего очага изображались на манер греческих божеств, Гений либо представлен своей символической змеей, либо предстает с человеческими чертами и характеристиками главы дома, его хозяина.

Боги-духи двери и очага, избранные божества кладовой, особая полевая сила, управляющая хозяйством, и дух личности хозяина были богами раннего дома, и вокруг их поклонения была сосредоточена домашняя религия. Мы должны попытаться понять, какое отношение она имела к семейной жизни.

2. Религия и семейная жизнь Мы уже отмечали основные случаи регулярных жертвоприношений домашним божествам, подношения Лару в календы, ноны и иды, Гению в день рождения хозяина и так далее, и мы имеем возможность составить представление об этих обрядах по картинам, которые, хотя и относятся к более позднему времени, несомненно, представляют собой непрерывную традицию домашнего обычая. Например, на одной из настенных росписей в Геркулануме изображен *отец семейства* с покрытой головой (по римскому обычаю) и рогом Гения, приносящий жертву на круглом алтаре или очаге. Напротив него стоит флейтист (*tibicen*), играющий, чтобы заглушить любой неблагоприятный звук, а по обе стороны от него две меньшие фигуры, предположительно сыновья, выступающие в роли сопровождающих (*camilli*), и оба одеты (*succincti*) в короткую жертвенную тунику (*limus*); один несет в левой руке священное блюдо (*patera*), а в правой гирлянды или, скорее всего, ленты для украшения жертвы: Другой выступает в роли *виктимария* и приносит свинью в жертву, но животное спешит к алтарю с почти чрезмерной готовностью, несомненно, чтобы показать, что в нем нет ни капли нежелания, которое могло бы испортить жертвоприношение.

Но с нашей точки зрения такие формальные акты поклонения имеют меньшее значение, чем та роль, которую религия играет в повседневной жизни домохозяйства. Есть свидетельства как для более ранних, так и для более поздних периодов, что действительно "благочестивые" люди начинали свой день с молитвы и жертвоприношения домашним богам, и подобно вергилиевскому Энею, типично *pius* во всех значениях этого слова, "пробуждали дремлющее пламя на алтаре и с радостью снова подходили к Лару и маленьким Пенатам, которым он поклонялся вчера". Но это была, пожалуй, исключительная преданность, а ежедневное поклонение в обычном доме сосредотачивалось скорее вокруг семейной трапезы. В старом и простом доме стол ставился у очага, и, когда домочадцы садились вокруг него, хозяин и мужчина вместе, часть еды, отложенная на специальное священное блюдо (*patella*), бросалась в огонь как порция богов. Иногда добавлялись благовония, а позже - вино: когда изображения стали общепринятыми, маленькие статуэтки Лареса и Пената брали из святилища (*lararium*) и ставили на стол в знак их присутствия на трапезе. Даже в роскошных многокомнатных домах императорской эпохи, когда обеденный стол находился далеко от кухонного очага, в трапезе делалась пауза и посылались подношения домашним богам, и банкет не продолжался до тех пор, пока раб не возвращался и не объявлял, что боги благосклонны (*deos propitios*): так живуча была эта традиция домашнего благочестия. В этот момент могли возноситься молитвы по особым случаям к особым божествам, как, например, перед началом посева урожая обращались к Иупитеру, и для него отводилась особая часть трапезы (*daps*). Освящение единственного случая, когда все домочадцы собирались вместе в течение дня, не могло не сказаться на домашней жизни, и, даже если это не было прямым стимулом к нравственности, это все же связывало семью в чувстве зависимости от высших сил в обеспечении их ежедневных потребностей.

Мы уже отмечали, как мелкие события домашней жизни наделялись религиозным значением, особенно в связи с поклонением Лару и Гению, но чтобы завершить очерк домашней религии, мы должны рассмотреть немного подробнее ее отношение к процессу жизни, и особенно к двум важным событиям - рождению и браку. Ни в одной сфере жизни специализация функций среди *нуминов* не проявляется так ярко, как в связи с рождением и детством. Помимо общего покровительства *Iuno Lucina*, главного божества родов, мы можем насчитать в дошедших до нас записях около двадцати подчиненных духов, которые с момента зачатия до момента рождения наблюдали, каждый в своей особой сфере, за матерью и еще не родившимся ребенком. Как только рождение состоялось, начался ряд церемоний, представляющих особый интерес, поскольку они, по-видимому, относятся к очень ранней стадии развития религиозной мысли и носят ярко выраженный деревенский характер. Сразу же была предложена священная трапеза двум полевым божествам, Пикумну и Пилумну, а затем римлянин обратил свое внимание на практическую опасность лихорадки для матери и ребенка. Ночью у порога собирались трое мужчин, один из которых был вооружен топором, другой - колом, а третий - метлой: двое первых ударяли своими орудиями по порогу, а третий выметал пол. Считалось, что над этой церемонией стоят три *нумины*: Интерсидона (связанная с топором), Пилумн (связанная с колом, *pilum*) и Деверра (связанная с актом подметания). Его цель, как объясняет Варро, заключалась в том, чтобы предотвратить проникновение полудикого Сильвануса, дав три безошибочных признака человеческой цивилизации; мы, вероятно, не ошибемся, если увидим в нем скорее реальное рубилово, избивание и сметание злых духов. На девятый день после рождения, в случае мальчика, на восьмой - в случае девочки, происходил праздник наречения (*solemnitas nominalium*). Церемония была очистительной (альтернативное название - *dies lustricus*), и совершалось пиарическое жертвоприношение, чтобы уберечь ребенка от злых влияний в будущем. Друзья приносили подарки, особенно шейные браслеты в виде полумесяца (*lunulae*) и золотые шары (*bullae*), которые носили как амулет на шее до достижения совершеннолетия.

О многочисленных мелких божествах, наблюдавших за ранними годами ребенка, мы уже рассказывали. Под их защитой он оставался до достижения половой зрелости, примерно до семнадцати лет, когда с соблюдением религиозных обрядов вступал в мужскую жизнь. Дома, в утро праздника, он торжественно откладывал *буллу* и пурпурную одежду детства (*toga praetexta*) перед святилищем домашних богов и приносил им благодарственную жертву за их защиту в прошлом. Затем в сопровождении отца и друзей, облаченный теперь в *mory virilis*, он торжественно отправился на Капитолий и, положив пожертвование в казну *Iuventas* - или, возможно, в более ранние времена *Iuppiter Iuventus*, - сделал подношение верховному божеству *Iuppiter Capitolinus*. Сакральный характер первых лет жизни молодого римлянина вряд ли мог быть более ярко выражен.

Хотя *confarreatio* был единственной религиозной формой брака и освящался присутствием *pontifex maximus* и *flamen Dialis*, брак даже в менее религиозной церемонии *coemptio* всегда был священным. Его нельзя было заключать ни в дни государственных праздников (*feriae*), ни в некоторые другие *dies religiosi*, например, в дни Весталий или праздников мертвых (*Parentalia*). Как сам брак, так и предварительное обручение (*sponsalia*) должны были получить божественную санкцию через эгиду, и в церемониях обоих обрядов религиозный элемент, хотя и связанный с суевериями и народными обычаями, проявляется достаточно четко. Центральная церемония *confarreatio* была актом отчасти жертвоприношения, отчасти, можно сказать, причастия. Жених и невеста сидели на двух стульях, соединенных друг с другом и покрытых бараньей шкурой, они приносили Юпитеру бескровные жертвы деревенского характера (*fruges et molam salsam*), использовали в жертвоприношении

основные предметы домашней необходимости - воду, огонь и соль, и сами ели священную полбу (*libus farreus*), от которой церемония и получила свое название. Решающим моментом в более гражданской церемонии *coemptio* был чисто человеческий и юридический акт соединения рук (*dextrarum iunctio*), но за ним сразу же следовало принесение жертвы, что придавало церемонии ярко выраженное религиозное значение. Обычаи, связанные с приведением невесты в дом жениха, так прекрасно изображенные в "Эпиталамии" Катулла, - ее насильственное похищение у родителей, грубость спутников жениха, бросание орехов как символ плодородия, перенос невесты через порог, что, вероятно, является реликтом первобытного брака путем захвата, развязывание брачного узла на свадебной кушетке - возможно, это скорее суеверие, чем религия, но мы можем отметить два момента в этом процессе. Во-первых, три монеты (*ассы*), которые невеста приносила с собой: одну она отдавала мужу в знак приданого, одну подносила у очага своему новому *Lar Familiaris*, одну - впоследствии ближайшему *compitum* (явный знак связи между домашними *Lar* и полевыми); во-вторых, отголосок черты, столь заметной во всей домашней жизни, - толпа маленьких *pumina*, которые принимали участие в содействии церемонии. Это Домидука, которая приводила невесту в дом жениха, Итердука, которая ухаживала за ней во время пути, Унксия, которая помазывала ее, Синксия, которая связывала и развязывала ее пояс, и многие другие.

Этот очерк домашнего культа римлян, надеюсь, оправдал мое утверждение, что в нем был элемент более истинно "религиозный", чем все, что мы можем почерпнуть из государственных церемоний. Идеи проще, *нумины* кажутся менее холодными и более защищенными, поклоняющиеся более чувствительны к божественной помощи. Когда мы рассмотрим сопутствующую картину земледельца в поле, мы увидим, как поклонение земледельческому хозяйству является прототипом и основой государственного культа, но сначала мы должны кратко рассмотреть очень сложный вопрос об отношении живых к мертвым.

3. Поклонение духам умерших предков - настолько распространенная черта большинства примитивных религий, что может показаться странным даже сомневаться, существовало ли оно у римлян, но, хотя этот вопрос крайне сложен, а доказательств крайне недостаточно, я склонен считать, что, хотя живые всегда осознавали свою связь с мертвыми и чувствительны к влиянию сил подземного мира, тем не менее, строго говоря, никакого культа мертвых не существовало. Давайте попытаемся вкратце собрать характерные черты ритуала и посмотреть, к какому выводу они приведут в отношении основополагающих верований.

Одним из наиболее примечательных фактов в домашнем культе является то, что в то время как момент рождения и другие важные события жизни окружены религиозными церемониями и верованиями, момент смерти проходит без каких-либо следов религиозного сопровождения: как будто умирающий человек уходит в другой мир, где церемонии этой жизни больше не могут помочь ему, и его боги не защищают его. Что касается его состояния после смерти, то в разные времена мнения менялись под влиянием различных влияний, но простое раннее представление, связанное, в частности, с практикой погребения в противовес кремации,^[6] заключалось в том, что его дух просто погружается в землю, где он отдыхает и время от времени возвращается в верхний мир через определенные отверстия в земле (*mundi*), торжественное открытие которых было одним из регулярных обрядов праздничного календаря: позже, несомненно, преобладало более духовное представление, хотя оно никогда не достигало определенности или универсальности. Одна идея, однако, кажется, всегда была заметной: на счастье умерших может сильно повлиять надлежащее исполнение похоронных обрядов; поэтому самым торжественным долгом наследника было

совершение *iusta* для умерших, и если он не смог выполнить их в каком-либо отношении, он мог искупить свое упущение только ежегодным жертвоприношением свиноматки (*porca praecidaneae*) Церере и Теллусу - божествам земли, будьте внимательны, а не самим умершим. Сами похороны не были религиозной церемонией; из членов семьи и друзей формировалась процессия (первоначально ночная), в которой тело умершего несли в сопровождении бюстов (*imagines*) его предков к гробнице за городом и там клали в могилу. По возвращении семья сразу же приступала к обрядам очищения от загрязнения, которое настигло их из-за присутствия мертвого тела. Были проведены две церемонии: одна - очищение дома путем принесения в жертву Церере свиноматки (*porca praesentanea*), сопровождавшееся торжественным выметанием мусора (*exverrae*), другая - люстрация их собственных лиц огнем и водой. После этого они садились вместе с друзьями на погребальный пир (*silicernium*), который, как рассказывает Цицерон, считался честью скорее для оставшихся в живых членов семьи, чем для умершего, поэтому траур не надевали. Две другие церемонии в течение следующей недели, *feriae denicales* и *novendiale sacrum*, завершали религиозный траур. Не то чтобы после похорон умершие были забыты: из года в год, в годовщины смерти и погребения, а также по определенным торжественным случаям, известным под такими наводящими названиями, как "день роз" и "день фиалок", семья возвращалась к могиле и делала простые подношения в виде соленого пирога (*mola salsa*), хлеба, смоченного в вине, или гирлянды цветов: В таких случаях можно найти следы молитвы, но это, скорее, повторение общих религиозных формул, чем обращение к мертвым за определенными благословениями.

Таковы основные черты семейного ритуала по отношению к умершим; но если мы хотим составить хоть какое-то представление о вере, мы должны дополнить их ссылкой на государственные церемонии, которые здесь, как и в других местах, очень четко представляют собой домашний культ "в большом масштабе". В календарях мы находим два очевидных празднования в связи с мертвыми, происходящие в разные времена года и состоящие из церемоний, заметно отличающихся по характеру. В мрачном месяце феврале, связанном с торжественными люстрациями, наступает праздник, известный в народе (хотя и не в календарях) как *Parentalia* или *dies Parentales*, то есть дни жертвоприношений в связи с умершими членами семьи (*parentes, parentare*). Они начинаются с записи 13 февраля, *Virgo Vestalis parentat*, и продолжаются до кульминации, *Feralia*, 21 февраля. В эти дни магистраты откладывали знаки отличия своих должностей, храмы закрывались, браки запрещались, и каждая семья проводила на могилах своих родственников церемонии, напоминающие *sacra privata*. Весь сезон завершился 22 февраля праздником Каристии или *cara cognatio*, семейным воссоединением оставшихся в живых на своего рода "празднике любви", центром которого было поклонение *Lar Familiaris*. Здесь, как и в семейных обрядах, мы имеем дело с мирным и торжественным признанием всей общиной сохранившихся отношений между живыми и мертвыми. 9, 11 и 13 мая происходит Лемурия - церемония разительно иного порядка. Снова закрываются храмы и запрещаются браки, но ритуал носит совершенно иной характер. Лемуры или лярвы - похоже, между этими двумя названиями нет особой разницы - рассматриваются уже не как члены семьи, которых нужно вернуть на свое место, а как враждебные духи, которых нужно изгнать. [7]Глава дома встает с постели в полночь, моется и ходит босиком по дому, делая знаки для отпугивания злых духов. Во рту у него черные бобы - всегда хтонический символ, - которые он, не оглядываясь, выплевывает девять раз, говоря при этом: "Этим я искупаю себя и своих"; он снова моется и звонит медными сосудами; девять раз повторяет формулу: "Отойди, Манес отцов наших" (несомненно, используя достойный титул Манес эвфемистически), а затем наконец оборачивается. Здесь мы совершенно безошибочно ощущаем враждебность духов умерших: им нужно дать соответствующую пищу и как можно скорее покинуть это место. Некоторые ученые пытались

объяснить разницу между этими двумя праздниками, полагая, что Паренталии представляют собой поминовение должным образом похороненных мертвых, а Лемурии - апотропейное право на отвращение непогребенных, а значит, враждебных духов; но Овидий дал гораздо более существенный намек, сказав нам, что Лемурии - более древний праздник из двух.

До сих пор у нас не было никаких признаков приближения к божественности в связи с мертвыми или подземным миром в отличие от земных богинь, но доказательства этого, хотя и смутные и теневые, не являются недостаточными. Некоторые загадочные женские божества, Тарпея, Акка Ларентия, Карна и Лаверна, которым поздний этиологический миф дал свое объяснение, по всей вероятности, были справедливо истолкованы Моммзеном как божества нижнего мира: памятное "жертвоприношение у гробницы", о котором мы слышим в связи с первыми двумя, в действительности было, как мы можем предположить, подношением хтоническому божеству в *tundus*. Более осязаемой личностью является Ведиовис, который три раза в год отмечается в календаре (*Agonia*, а не *feriae*): он, как следует из его имени, должен быть "противоположностью Иова", то есть, вероятно, его хтоническим аналогом, что в достаточной степени подтверждается его последующим отождествлением с греческим Плутоном. Наконец, конечно же, есть и такое неопределенное тело, как Ди Маны, "добрые боги", главные божества мира мертвых; к ним обращаются с воззваниями, и они занимают свое место в формулах *паренталий* и открытии *мундиров*.^[8] В связи с ними, выступая в качестве связующего звена с женскими божествами, мы имеем странную богиню Генита Мана, "дух рождения и смерти".

Интерпретация этих фактов вызывает острые споры, особенно в отношении вопроса о том, поклонялись ли духам мертвых на самом деле. Я бы рискнул предложить следующую реконструкцию истории, как согласующуюся с тем, что мы знаем о римской религии, и с имеющимися у нас свидетельствами. С древнейших времен римляне рассматривали своих умерших как в некотором смысле живых, лежащих под землей, но способных возвращаться в мир наверху и каким-то неясным образом влиять на судьбы живых, особенно в отношении урожая, который произрастал из земли, в которой они лежали. Сначала, когда его религия была религией страха, он рассматривал мертвых как обычно враждебных, а их присутствие - как нечто, чего следует избегать; именно на этой стадии и возникла Лемурия. По мере роста цивилизации и развития чувства единства семьи и общины страх, оказавшийся необоснованным, сменился более добрым чувством продолжения существования мертвых как членов семьи и государства, и даже в некотором смысле как дополнительной связи между живыми: это период, породивший *sacra privata* и *Parentalia*. Когда *нуменальное чувство* стало переходить в *божественное*, в первую очередь возникла связь между духами умерших и божествами земли, связанными с ростом урожая, во вторую - представление о том, что подземный мир должен иметь своих богов так же, как и мир верхний, породило теневые женские божества и ведиовисов. Наконец, то же чувство, которое добавило Паренталию к Лемурии, развило смутное общее представление о Ди Манах, не обожествленных духах мертвых, но мирных и в целом добрых божествах, властвующих в мире мертвых духов, но доступных для молитв живых. Мертвые, таким образом, сами по себе не являлись объектом поклонения, но они нуждались в поминовении и добрых дарах, и в их нижнем мире были божества, которым можно было возносить молитвы и поклоняться.

СНОСКИ:

[5] Следует отметить, что существует совершенно иная теория, согласно которой Лары были духами умерших предков, а Лар Фамилиарис - воплощением, как бы, всех умерших членов семьи.

[6] Примечательно, что даже при кремации умерших одна кость бережно сохранялась, чтобы быть символически похороненной.

[7] Отметим, что, несмотря на то, что это государственный праздник, наши сведения относятся исключительно к обрядам в отдельных семьях.

[8] Упоминания о них в надгробных надписях относятся ко времени империи, когда возникло новое представление об их природе.

ГЛАВА VI

ПОКЛОНЕНИЕ ПОЛЯМ

Жизнь раннего римлянина в поле, его деятельность, его надежды и страхи отражены в длинном списке сельскохозяйственных праздников, которые составляют большую часть праздников в календаре и следуют за сезонами и занятиями сельскохозяйственного года. Конечно, в Календаре мы имеем дело, строго говоря, с государственным культом, а не с получастными праздниками групп земледельцев, но во многих случаях, таких как Робигалия, государство, кажется, лишь переняло культ земледельцев, тщательно сохранив место, на котором проходил праздник; в других, таких как Терминалия и Парилия, оно, кажется, установило, так сказать, государственный аналог обряда, исполнявшегося независимо во многих деревенских центрах: В обоих случаях мы вправе предположить, что речь идет о практике раннеримского земледельца. Мы увидим, что в большинстве случаев эти праздники связаны - хотя часто достаточно слабо - с поклонением определенному божееству. Иногда, однако, - как в случае с Луперкалиями - очень трудно определить, кем было это божество; в других праздниках, таких как Робигалия, похоже, что одноименное божество появилось сравнительно поздно. Поэтому мы можем предположить, по аналогии с тем, что мы уже видели в общих линиях развития римской религии, что праздники изначально были сосредоточены вокруг цели, а не личности, и были обращены "ко всем духам, которых это может касаться"; и что позже, когда понятие *deus* стало расти, они либо присоединились к какому-то богу, чья личность уже была выражена, как Виналии были присоединены к Юпитеру, либо "развили" собственное божество. Среди этих божеств, как правило, сугубо функциональных и существующих только в связи с особым праздником, мы заметим частое повторение пары божеств, конечно, не связанных мифологически как муж и жена, но представляющих, возможно, мужской и женский аспекты одного и того же процесса развития.

Праздники естественным образом делятся на три группы: праздники весны, выражающие надежды и опасения за растущие урожаи и стада; праздники лета, праздники исполнения желаний, включая празднование сбора урожая; и праздники зимы, праздники посева, общественного ликования, а в последние месяцы - очистительное ожидание наступающего года.

1. Праздники весны. Старый римский год, как ясно видно из названий месяцев, до сих пор известных под номерами, сентябрь, октябрь и т. д., начинался в марте: согласно традиции, Ромул считал год состоящим из десяти месяцев, а Нума добавил январь и февраль. Весенние месяцы, собственно говоря, можно считать мартом, апрелем и маем. В марте в развитом календаре не было никаких праздников, сразу узнаваемых по сельскохозяйственному характеру, но весь месяц был практически посвящен одноименному божеству, Марсу. Для римлянина времен Республики Марс, несомненно, был божеством, связанным с войной, и его особые праздники в этом месяце носят воинственный характер: 9-го числа жрецы (*Salii*) начали древний обычай переносить его священные щиты (*ancilia*) по городу от одного установленного места отдыха к другому: 19-го, Квинкватра, щиты были торжественно очищены, а 23-го та же церемония была проведена с военными трубами: *Equirria* (скачки) 14 марта, возможно, имели сельскохозяйственное происхождение - мы встретимся со скачками позже как с чертой деревенских праздников - но они определенно праздновались в военной манере. Однако есть все основания полагать, что Марс изначально был связан не с войной, а с ростом растительности: как мы увидим, он был главным божеством, к которому обращались во время торжественной люстрации полей (*Амбарвалия*), и если наше общее представление о развитии религии по мере роста потребностей сельскохозяйственной общины, выкристаллизовавшейся в государство, верно, то вполне может быть, что божество, изначально заботившееся об интересах земледельца, взяло на себя защиту воина, когда полностью развитое государство вступило в конфликт со своими соседями. Если это так, то в этих повторяющихся праздниках Марса мы вполне можем ощущать, как выразился мистер Уорд Фаулер, "некий великий *нумен* за работой, ускоряющий растительность и вызывающий к жизни силы размножения в человеке и животных". Возможно, еще одна сельскохозяйственная нота звучит в *Liberalia* 17-го года: хотя культ *Liber* был почти полностью перекрыт его последующим отождествлением с Дионисом, кажется правильным признать в нем и его женском аналоге, *Libera*, общий дух творческого начала.

Характер апреля выражен гораздо четче: месяц наполнен серией праздников - все они явно сельскохозяйственного характера: молитвы о посевах, которые сейчас в земле, и об очищении людей и животных на ферме. Серия праздников начинается с *Фордикидии* 15-го числа, когда в жертву приносились беременные коровы: их нерожденные телята отрывались от них и сжигались, а пепел хранился в хранилище Весты (*penus Vestæ*) для использования в *Парилии*. Общая символика плодородия очень ясна; богиня, связанная с праздником, - *Теллус*, сама земля, а местное происхождение этих праздников проявляется в том, что жертва приносилась не только за весь народ на Капитолии, но и отдельно в каждой из *курий*. За *Фордикидиями* следуют *Зеркалии* 19-го числа - праздник другой богини земли (*Цереры*, *Креаре*), особенно связанный с ростом кукурузы. Очень любопытной особенностью ритуала было прикрепление огненных лент к хвостам лисиц, которых затем выпускали на волю в том месте, которое впоследствии стало *Цирком Максимус*: символ, возможно, как считает *Виссова*, солнечного света, возможно, духа растительности. Но самой важной из апрельских церемоний, несомненно, является *Парилия* 21-го числа, праздник очень древнего деревенского *нумена*, *Палеса*. Описание этого праздника у Овидия^[9] настолько интересно и

наполнено характерным колоритом римских деревенских праздников, что я, возможно, прошу прощения за то, что воспроизвожу его более подробно. "Пастух, - говорит он, обращаясь к деревенскому богомольцу, - с первыми лучами рассвета очищай свои упитанные стада: пусть вода сначала оросит их, а ветка очистит землю. Пусть складки украсят листья и ветви, прикрепленные к ним, а венок покроет украшенные ворота. Пусть из живой серы поднимается голубое пламя, а овца громко блеет, когда чувствует прикосновение дымящейся серы. Сожгите мужскую оливковую ветвь, сосновые ветки и можжевельник, и пусть пылающий лавр трещит в очаге. Вместе с просяными лепешками должна стоять корзина, полная проса: именно в этой пище деревенская богиня находит наибольшее удовольствие. Дайте ей также ее долю в пире и ее ведро молока, и когда ее доля будет отложена, тогда с теплым молоком от коровы вознесите молитву Палесу, хранителю леса". Затем поэт читает длинную молитву, в которой крестьянин сначала просит прощения за любые невольные грехи, которые он мог совершить против деревенских божеств, например, за вторжение в их рощи или укрытие своих стад под их алтарем, а затем молится об избавлении от болезней и процветании урожая, отар и стад. Так нужно завоевать богиню, эту молитву произнесите четыре раза, поворачиваясь к восходу солнца, и омойте руки в текущем ручье". Затем поставь деревенскую чашу на стол вместо чаши с вином, выпей снежного молока и темного сусла, и вскоре через кучи трескучей соломы стремительно проскочишь с нетерпеливыми конечностями". Затем все верующие прыгали через пылающие костры, даже стада и отары прогонялись через них, и царило всеобщее веселье. Можно отметить множество деталей, например, что в городском варианте праздника, который Овидий тщательно отличает от деревенских торжеств, огонь посыпали пеплом телят Фордикидии и кровью октябрьского коня Марса - еще одна связь между Марсом и сельским хозяйством. Но интереснее всего отметить двойной характер церемонии - с одной стороны, очищение человека и животных, а с другой - молитва о процветании грядущего сезона. Три особых праздника остаются в апреле. На Виналии (*Приоре*) 23-го числа открывали винные шкуры предыдущего года, пробовали вино и, как мы можем предположить, молились о грядущем урожае, праздник был посвящен богу неба Иупитеру. На Робигалии 25-го числа приносили в жертву собаку, чтобы отвлечь плесень (*robigo*), Робигусу (который выглядит как развитое одноименное божество) у пятой вехи на Via Claudia - древней границе римской территории. Флоралия 28-го числа не встречается в старых календарях, вероятно, потому, что это был подвижный праздник (*feriae conceptivae*), но это безошибочное обращение к нумену Флоре с просьбой о распускании цветов в этом сезоне.

Май был месяцем, имеющим более важное значение для благополучия урожая, и поэтому его праздники в основном носили более мрачный характер. 9, 11 и 13 числа были днями, отведенными для Лемурии, отвращения враждебных духов мертвых, о которых мы уже говорили, и такой же мрачный характер, вероятно, имела Агония Ведиовиса 21 числа. Но наибольший интерес представляет подвижный праздник Амбарвалия, великая люстрация полей, которая проводилась в конце месяца: дата ее проведения, несомненно, определялась в зависимости от состояния урожая в том или ином году. Как отдельный земледелец очищал свои поля для отвращения зла, так и торжественная люстрация границ государства проводилась специальными жрецами, известными как братья Арвалы (*fratres Arvales*). С церемониальными танцами (*tripudium*) они двигались вдоль межевых знаков и приносили в жертву свинью, овцу и быка (*suovetaurilia*): плоды прошлого года и нового урожая (*aridae et virides*) играли большую роль в церемонии, и читалась торжественная литания для отвращения всякого рода вредителей от посевов. В рассказе Вергилия молитва обращена к Церере, и мы знаем, что в императорские времена, когда Амбарвалия стала очень тесно связана с культом императорского дома, центром культа была богиня земли Деа Диа; но в самом раннем рассказе о деревенской церемонии, которым мы располагаем у

Катона, к Марсу обращаются в недвусмысленном образе сельскохозяйственного божества. "Отец Марс, я молю и умоляю тебя, чтобы ты был милостив и благосклонен ко мне, к моему дому и моим домочадцам, по этой причине я распорядился, чтобы вокруг моих полей, моей земли и моей фермы были принесены в жертву свиньи, овцы и волы: чтобы ты отвратил, отогнал и сохранил вдали все болезни, видимые и невидимые, все бесплодие, расточительство, несчастье и плохую погоду; чтобы ты дал нашим посевам, нашей кукурузе, нашим лозам и кустам расти и процветать; чтобы ты сохранил пастухов и стада в безопасности, и даровал здоровье и силу мне, моему дому и моим домочадцам." Возможно, перед нами еще одна деревенская церемония, обращенная по своему происхождению ко всем *нуминам*, которых она могла касаться, и как бы специализирующаяся время от времени на обращении к тому или иному определенному божеству, но это также явное свидетельство ранней сельскохозяйственной ассоциации Марса. Амбарвалия - одна из самых живописных полевых церемоний, и особенно красивое и образное ее описание можно найти в первой главе "*Мария Эпикурейца*" Патера.

В июне и июле земледелец ожидал завершения сбора урожая, и великие государственные праздники этого периода не являются сельскохозяйственными.

2. Праздники урожая. В августе надежды земледельца наконец-то оправдываются, и урожай собран. Этот сезон отмечен двумя тесно связанными праздниками 21 и 25 числа в честь старой пары божеств - Консуса (*condere*), бога хранилища, и Опса, божества богатства урожая. На Консуалии *фламен Квириналис* при содействии девственниц-весталок совершает жертвоприношение на подземном алтаре в Цирке Максимуса, специально открытом для этого случая: здесь мы, вероятно, имеем дело не столько с хтоническим божеством, сколько с реликтом простой практики ранней сельскохозяйственной эпохи, когда урожай хранился под землей. Животных, участвовавших в сборе урожая, освобождали от работы в течение дня и украшали цветами: в празднике участвовали мулы, обычные итальянские тягловые животные. Через четыре дня после этого общего праздника происходила вторая церемония сбора урожая - Опиконсивия, которая проводилась в святилище (*sacrarium*) Регия и на которой присутствовали только *максимальный понтифик* и весталки-девственницы. Это, очевидно, государственный сбор урожая царского периода, символическое хранение государственных культур в священном хранилище дворца царем и его дочерьми. Оба праздника очень важны, и мы еще не раз встретимся с Консусом и Опсом в тесной связи в декабре. *Портуналии* 17-го числа, возможно, были еще одним праздником урожая, если верить старым источникам, которые говорят нам, что Портунус был "богом дверей" (*portae*).

Vinalia Rustica 19 августа мы не можем в достаточной степени интерпретировать из-за недостатка информации: это, конечно, не мог быть праздник винограда, так как он был слишком ранним: Возможно, это была церемония умиловления созревающего винограда, и в этом случае она, вероятно, была связана с *auspicatio vindemiae*, на которой *flamen Dialis* (снова обратите внимание на ассоциацию Iuppiter и лозы) торжественно срывал первые виноградины; или это может быть праздник вина, а не винограда, и в этом случае его главной особенностью, скорее всего, было открытие прошлогоднего урожая винограда.

Сентябрь не содержит больших праздников, и сезон сбора урожая завершается 11 октября *Медитриналией* - ближайшим приближением к благодарственному молебну за урожай. В этот день торжественно пробовали первое сусло нового урожая и вино старого, видимо, в качестве заклинания против болезней, произнося странную формулу: "Я пью новое и старое вино, новым и старым вином я исцеляю (*medeor*) болезни". Эта церемония дала название празднику и стала причиной последующей эволюции одноименного божества Meditrina, но

мало сомнений в том, что по происхождению здесь, как и в других винных праздниках, божеством был сначала Iuppiter. Среди других деревенских церемоний месяца можно отметить праздник источников (*Fontinalia*) 13 октября: колодцы украшали гирляндами и бросали в воду цветы.

3. Праздники зимы Зимние праздники нельзя так легко подвести под одно общее понятие, как весенние или летние, но они довольно естественно делятся на две группы - праздники, непосредственно связанные с сельскохозяйственной жизнью, и праздники, связанные с мертвыми и подземным миром или торжественным очищением. Главным событием в жизни земледельца зимой, конечно же, является посев урожая следующего года, который отмечался в древнем празднике Сатурналий 17 декабря. Хотя Сатурналии, возможно, наиболее знакомы нам из всех римских праздников, отчасти благодаря упоминаниям в классике, особенно в Горации, отчасти потому, что они, несомненно, являются источником многих наших рождественских праздников, сейчас почти невозможно восстановить что-либо из их первоначального римского характера. Греческое влияние сказалось на нем очень рано, отождествив Сатурна с Кроносом и установив его в греческом храме со всеми аккомпанементами греческого ритуала. Все привычные черты праздника - свобода и вольность рабов, дарение подарков, даже восковые свечи, которые являются прототипом тех, что стоят на нашей рождественской елке, - почти наверняка имеют греческое происхождение. Нам не остается ничего, кроме названия Saturnus (связанного с корнем *semen, serere*) и даты, чтобы убедиться, что перед нами настоящий римский праздник посева урожая. Аналогичный праздник, знаменующий, как говорит Овидий, завершение посева, был связан с богинями земли, Церерой и Теллус, - *feriae sementivae* или *Paganalia*. В качестве подношений использовались лепешки и беременная свиноматка, животные, помогавшие в пахоте, украшались гирляндами, а за семена, покоящиеся в земле, возносились молитвы. Любопытной особенностью зимнего культа является повторение праздников божеств урожая, Консуса и Опса, разделенных одинаковым интервалом в три дня, 15 и 19 декабря: возможно, здесь мы имеем дело с указанием на окончательное завершение сбора урожая или, как предположил мистер Уорд Фаулер, с церемониальным открытием хранилищ, чтобы убедиться, что урожай не сгнил. Среди других деревенских праздников этого периода можно отметить праздник Карменты, отмечаемый 11 и 15 января: по всей видимости, изначально она была водной *нуменоркой*, но рано стала ассоциироваться с деторождением: отсюда строгое исключение мужчин из ее церемоний и, возможно, табу на кожаные ремни, поскольку в поклонении божеству рождения не должно использоваться ничего, связанного со смертью. Повторение ее праздника, возможно, указывает на отдельные празднования общин Палатина и Квиринала. В это время также происходили деревенские церемонии на границах (*Terminalia*) и жертвоприношения Ларесу на "маршах" (*Compitalia*), о которых мы говорили при рассмотрении культа дома.

Другая группа зимних праздников гораздо более мрачная и менее определено деревенская, хотя они явно относятся к периоду земледельческой общины. О Фералии 21 февраля, кульминации праздника родственных мертвецов (*Ларенталии*), мы уже говорили. Ларенталия - очень загадочное событие, которое, как предполагали сами римляне, было подношением "у гробницы" легендарной Акки Ларенции, любовницы Геракла. Но мы уже видели основания думать, что Ларентия на самом деле была божеством мертвых, а "гробница" - *мундусом*: если это так, то у нас есть еще одна связь между зимним сезоном и поклонением подземному миру. Остается странный праздник Луперкалии 15 февраля, о котором мы уже неоднократно упоминали и который стал для большинства из нас более знакомым, чем другие римские праздники, благодаря его политическому использованию Марком Антонием в 44 году до н. э. Как мы уже утверждали, он, по-видимому, принадлежит к

самому древнему слою палатинского поселения, и поэтому мы можем завершить этот рассказ о ранних праздниках несколько более полным его описанием. Поклонники собирались в Луперкале, пещере на Палатинском холме: там в жертву приносились коза и собака, а двум юношам, принадлежавшим к двум коллегиям Фабиана и Квинтиана (или Квинтилиана) Луперци, мазали лоб ножом, использованным для жертвоприношения, и протирали шерстью, смоченной в молоке - в этот момент было предписано смеяться. Затем они надевали шкуры убитых козлов и, попирав, обходили границы Палатинского холма, за каждым из которых следовала своя компания молодых людей, поражая по пути женщин полосками, известными как *februae* или *lunonis amacula*, вырезанными из шкур козлов. Здесь мы имеем краткое изложение многих важных моментов, которые мы заметили в деревенских праздниках: из доримского слоя приходит идея общения с жертвенным животным в смазывании крови и ношении шкуры, а также магические чары, связанные с ударами женщин для обеспечения плодородия: типично для истинного чувства римской религии, что мы не можем с уверенностью сказать, какое божество было связано с этим обрядом, хотя, вероятно, это был Фавн: На деревенский характер церемонии указывает чаша с молоком, в которую окунали шерсть, и жертвоприношение коз: идея люстрации четко обозначена в ходе вокруг границ: первоначальное палатинское поселение выделяется в пределах этого хода и на месте Луперкаля, а более поздний синэцизм виден в, предположительно, последующем добавлении второго колледжа Луперчи. Внимательное изучение Луперкалий как воплощения характера и развития римских сельскохозяйственных праздников, хотя и не покажет более яркий аспект некоторых весенних и летних торжеств, все же даст верное представление об истории и духе всего праздника.

ССЫЛКИ:

[9] Ov., *Fast.*, iv. 735.

ГЛАВА VII

ПОКЛОНЕНИЕ ГОСУДАРСТВУ

Поскольку в вопросах религии римское государство - это в основном лишь превознесенное сельскохозяйственное хозяйство, то, рассматривая его культ, мы не будем вступать в новый пласт идей, а скорее посмотрим на развитие уже знакомых понятий и настроений. Однако рассмотрение государственного культа в полном объеме не только выйдет за рамки данного очерка, но и уведет нас от религиозных идей в область того, что мы сейчас можем назвать "церковным управлением". Поэтому я предлагаю ограничиться двумя моментами: во-первых, расширением старых представлений о домашнем хозяйстве и полях и их адаптацией к жизни государства, а во-вторых, что будет рассмотрено очень коротко и как свидетельство римского характера, - организацией религии.

1. Развитие культа дома и поля - Здесь мы обнаружим две основные характеристики. В первую очередь, государство, как мы уже неоднократно намекали, создает свой собственный аналог домашних и деревенских культов и приспосабливает к своему использованию идеи, которые они несут: во вторую очередь, особенно в связи с некоторыми из полевых божеств, оно развивает новые и очень часто абстрактные понятия, чуждые жизни независимых сельских хозяйств, но необходимые и жизненно важные для жизни организованной общины. Давайте сначала рассмотрим судьбу домашних божеств.

Мы оставили **Иануса** как *нумена* двери дома: он переходит в государство точно в таком же качестве: у государства тоже есть своя "дверь", ворота в северо-восточном углу Форума, и она становится местом его государственного культа - двери, которая, согласно августовской легенде, открывается во время войны и закрывается только тогда, когда Рим находится в мире со всем миром. Но размышления вскоре начинают действовать на Януса: у двери есть две стороны, она может как открываться, так и закрываться; поэтому уже в песне Салия у него появляются культовые эпитеты "открыватель", "закрыватель" (*Patulci, Cloesi*), а как только о нем начинают думать как о личности, он становится "двухголовым" (*bifrons*), как он предстает в более поздних изображениях. Дверь - это первое, на что вы натываетесь, входя в дом: "дух двери", с той склонностью к абстракции, которую мы вскоре увидим в других случаях, становится богом начала. Он наблюдает за самым первым началом человеческой жизни в своем образе *Консевия*; для него священны первый час дня (*pater matutinus*), календы каждого месяца и первый месяц года (*Ianuarius*); ему же приносит *rex sacrorum* первую жертву года, Агонии 9 января. В этом качестве, более того, его имя стоит на первом месте во всех молитвенных формулах, и на него смотрят - не как на отца богов, поскольку это слишком антропоморфное понятие, но как на то, что мы могли бы сейчас назвать их "логическим предшественником": *divum deus*, как причудливо выражается песня салийцев, *principium deorum*, как объясняет это более поздняя интерпретация. И все же он остается самым типичным римским божеством: он обзаводится храмом лишь в 217 году до н. э., бюстом - довольно поздно, и его никогда не отождествляют с греческим аналогом. В качестве *pater matutinus* у него есть родной женский аналог в лице Матуты, божества рассвета, которая становится покровительницей при родах и как таковая является центром праздника матерей, *Matralia* 11 июня.

Веста. История Весты, возможно, менее романтична, но она позволяет провести более точную параллель между домашним хозяйством и государством. В первобытной общине царский очаг имеет не только символическое значение, но и большую практическую пользу,

поскольку он постоянно горит, являясь источником огня, из которого может черпать каждый домохозяин: поэтому в обязанности царских дочерей входит забота о нем и поддержание постоянного огня. В Риме царским очагом является храм Весты, расположенный, как и следовало ожидать, в непосредственной близости *от регия*. Огонь постоянно горит, за исключением 1 марта каждого года, когда ему разрешается погаснуть и его торжественно обновляют. Весталки, поклявшиеся в вечной девственности и ответственные за сохранение священного огня, - "дочери короля", живущие в своеобразном монастыре (*atrium Vestæ*) и находящиеся под опекой представителя короля, *pontifex maximus*. В их обязанности, как прирожденных поваров священного королевского дома, входит приготовление соленого пирога (*mola salsa*), который будет использоваться на праздниках года, и хранение его и других священных предметов, таких как пепел фордидии, в хранилище Весты (*penus Vestæ*). В июне с 7 по 15 число, с кульминацией 9 числа, в день Весталий, матроны, которые весь год ухаживали за своими очагами, идут в торжественной процессии босиком, чтобы принести свои домашние жертвы на государственный очаг, а девы тем временем предлагают пироги, которые они испекли. Восемь дней продолжается церемония, в течение которых пекари и мельники отдыхают; дни *религиозные* (браки несчастливы и соблюдаются другие табу), а также *нефасты* (нельзя заниматься общественными делами); пока церемония не завершится на 15-е, торжественным очищением храма и сбросом мусора в Тибр, после чего нормальная жизнь государства может быть возобновлена -Q. Святой Д. Ф. (*Quando Stercus Delatum Fas*) - уникальная запись в календарях. Все это менее образно, чем развитие Януса, но в основе лежит глубокое римское чувство, и не может быть более ясного представления о естественной адаптации домашнего культа к религии государства.

Пенаты, Ларесы и Гении - другие домашние божества тоже имеют свой аналог, хотя и не так ярко выраженный, в государственном культе. Магистраты, вступая в должность, приносили присягу Юпитеру и *Di Penates populi Romani Quiritium*, а о том, что эта концепция была столь же широкой в государстве, как и в домашнем хозяйстве, говорит тот факт, что в менее официальных случаях формула выглядит как *Iuppiter et ceteri di omnes immortales*.

Государственные пенаты, таким образом, включали в себя все государственные божества; но что их первоначальный характер не был упущен из виду, видно из утверждения Варро, что в *penus Vestæ* ("государственном хранилище") хранились их *sigilla* - не чувственные изображения, а символические предметы, как мы уже видели в случаях, подобных *silex* Юпитера. *Лары* снова находят свой аналог в государственных *президиумах*, а их деревенский праздник, *Compitalia*, имеет свое городское воспроизведение, которое, поскольку оно предполагало значительную свободу действий со стороны населения и рабов, часто становилось в поздний период Республики причиной серьезных политических беспорядков. Даже гений, хотя и довольно смутно, переходит в государство, и мы слышим о *Genius populi Romani* или *Genius urbis Romæ*, в отношении которого Сервий цитирует надпись на щите с характерным добавлением, *sive mas sive femina*: в гораздо более поздние времена мы находим точный аналог домашнего поклонения гению *отца семейства* в культе гения императора - основе всего императорского культа.

Мы уже наблюдали, как культы полей перешли под контроль государства, а их аналоги были установлены в великих праздниках календаря. Естественно, что большинство соответствующих божеств, существовавших только для участия в этих праздниках, сохранили свой первоначальный характер без дальнейшего развития. Но с некоторыми дело обстоит иначе: их судьба приобрести новые черты и новые функции, и, развиваясь в соответствии с потребностями общества, стать великими богами государства: о них мы должны дать краткий отчет.

Иуппитер... Иуппитер известен нам либо в связи с некоторыми очень примитивными пережитками, либо в подлинно римский период как небесный *нумен*, связанный со сбором винограда в двух Виналиях и Медитриналиях и принимающий на семейной трапезе *дапс* в качестве общего умиловивления перед началом посева. Как бог неба он переходит в государство: *Lucetius (lux)* - его титул в песне салийцев, и для него священны иды каждого месяца - время полнолуния, когда на небе больше всего света как ночью, так и днем. В связи с сельским хозяйством он устраивает праздники вина как в государстве, так и в деревне, а домашние *пиры* превращаются в более сложные *epulum Iovis*, , на которых вся община, как бы, развлекает его на пиру. Как небесное божество, он также имеет особое отношение к грому и молнии (*Iuppiter Fulmen, Fulgur*), и для него священны всегда зловещие места, в которые ударила молния (*bidentalia*): с более тревожным появлением молнии ночью он имеет особую связь под культовым названием *Iuppiter Summanus*. Но по мере роста маленькой общины, и особенно, возможно, после объединения двух поселений, поклонение *Iuppiter Feretrius*, связанное со священным дубом на Капитолии - холме между Палатином и Квириналом - становится все более заметным как узлы союза и центральная точка религиозной жизни государства: оно стремится занять место приоритета, которое ранее занимал *Ianus*. Община вступает в войну с соседями, и после знаменательной победы на священном дубе должны быть посвящены *spolia opima*: действительно, *Iuppiter* в особом смысле находится с ними в битве, и теперь ему должны поклоняться как "задерживающему разгром" (*Stator*) и "дарующему победу" (*Victor*). Война - это новая область деятельности государства, но, что характерно, она не вырабатывает свой собственный *нумен*, а расширяет сферу уже существующих несколько эластичных духов. Так и во внутренней организации государства ощущается потребность в религиозной санкции общественной морали, и Юппитер - хотя и неясно поначалу - принимает на себя характер божества справедливости. В этой связи он прежде всего бог клятвы: мы видели, как его священный *силекс* использовался в клятве при заключении договора: он также является самым торжественным свидетелем клятвы гражданина. *Iuppiter Lapis* становится специально *Dius Fidius*, культовым титулом, который впоследствии создает для себя и производит дальнейшее ответвление в абстрактном *Fides*. Наконец, к концу нашего периода Юпитер Капитолия выходит триумфатором из борьбы с соперниками и с новым титулом Юпитер Оптимус Максимус - "лучший и величайший", то есть из всех Юпитеров - занимает место верховного божества римского государства и олицетворения величия и величия самого Рима. В его храм в будущем будет приходить римский юноша, чтобы принести жертву, когда он примет мужское платье; здесь будут приносить жертву магистраты перед вступлением в должность; здесь будет проходить в процессии победоносный генерал с добычей своей победы; на стенах будут вывешены договоры с иностранными народами и подношения, присланные подвластными князьями и государствами со всех концов света: все, чем должен быть Рим, будет как бы воплощено в небесном духе священного дуба, божества справедливости и победы в войне.

божество, либо, как полагают некоторые, благодаря предполагаемому влиянию луны на женскую жизнь - Иуно имеет как женское божество, особенно в связи с рождением детей и браком. Как мы видели, в образе *Люцины* она является божеством-председателем родов, а ее праздник 1 марта, хотя и не вошел в календари (поскольку касается только женщин и не является праздником всего народа), приобрел огромную популярность под названием Матроналия. Она также осуществляет общее руководство брачными обрядами, а различные маленькие *нумины*, играющие столь заметную роль в церемониях, стремятся прикрепиться к ней в качестве культовых титулов. Праздник служанок в честь Иуно Капротины 7 июля демонстрирует то же представление об Иуно как о женской богине, которое снова появляется в обыденной речи, когда женщины говорят о своей Иуно, так же как мужчины о своей Гении. Позднее Иуно приобретает характеристики величия (*Regina*) и защиты на войне (*Curitis, Sospita*), отчасти, несомненно, как аналог Иупитера, но более непосредственно через привнесение культов из соседних италийских городов.

Марс. Мы видели основания полагать, что на ранних стадиях римской религии Марс был *нуменом* растительности, но хотя Амбарвалия была должным образом перенесена в государственный культ и достигла очень высокой степени важности, все же не может быть сомнений, что в государственной религии Марс был преимущественно связан с войной. Юпитер мог помочь в случае необходимости предотвратить поражение или присудить победу, но именно Марсу принадлежало общее ведение войны. Его священное животное - воинственный волк, его символы - копья и священные щиты (*ancilia*), которые в его собственный месяц (*Martius*) - 1-е число которого является его особым праздником - его жрецы (*Salii*) в полном военном облачении (*trabea* и *tunica picta*) несут со священными танцами и песнями вокруг города. Его алтарь находится в Campus Martius, за пределами городских стен и, следовательно, в сфере *imperium militiae*, а другие праздники, связанные с ним, носят военный характер: скачки на боевых конях (Equirria) 14 марта и 27 февраля, а также великие скачки в октябрьские иды, когда победитель торжественно умерщвлялся: люстрация оружия на Квинкватре 19 марта и Армилустриуме 19 октября - в начале и конце сезона кампаний; люстрация военных труб 23 марта и 23 мая. Но прежде всего в честь Марса проводится великий пятилетний *луструм*, связанный с переписью населения, когда народ выстраивается в военном строю вокруг его алтаря в Campus Martius и торжественное приношение *суветаурилии* (не слабый ли это пережиток его сельскохозяйственного характера?) после трехкратного обхода собравшегося воинства возносится на его алтарь в молитве за военное будущее государства. Едва ли какой-либо бог в государственном культе имеет столь четко выраженный характер, и мы можем рассматривать Марса как божество, которое, принимая на себя новые функции в соответствии с потребностями времени, почти полностью утратило следы своей первоначальной природы.

Квирин. - Юпитер и Марс становятся великими государственными божествами развитого сообщества, и к ним добавляется, как вклад поселения Коллине, их собственное особое божество, Квирин. У него, как и у них, есть свой *фламен*, как у Марса - свои *салии*, а его праздник приходится в календарях на 17 февраля. Но о его ритуале и характере мы практически ничего не знаем: ритуал был скрыт, потому что его праздник совпадал с гораздо более популярным праздником *курий*, *stultorum feriae*: о его характере мы можем только предполагать, что он был для поселения Коллина тем же, чем Марс был для Палатина, тогда как позже, после полного слияния, он, кажется, отличался от Марса как представитель "вооруженного мира", а не войны - идея, которая подтверждается ассоциациями тесно связанного с ним слова *Quirites*. Как бы то ни было, в лице Юпитера, Марса и Квирина мы имеем великую государственную триаду синэцизма, которая продержалась до начала

следующей эпохи и была вытеснена новой этрусской триадой Капитолия, Юпитера, Юноны и Минервы.

2. Организация. - Возможно, можно подумать, что организация религии - это вопрос, далекий от ее духа, и поэтому не является подходящей темой для обсуждения, где целью является скорее выявление основных мотивов и идей: но при рассмотрении римской религии, где церемониал и юридическая точность занимают столь важное место, было бы даже неправильно опустить некоторые ссылки на очень характерный способ, которым государство, взяв на себя довольно хаотичные элементы сельскохозяйственного культа, организовало их в нечто похожее на последовательное целое. Самым полным его достижением в этом направлении, несомненно, стало регулирование религиозного года. Мы уже много раз говорили о календарях (*Fasti*): теперь необходимо получить более четкое представление о том, что они собой представляли. В самом Риме и различных городах Италии было найдено около тридцати надписей, одна из которых почти полная (Maffeiani), а другие более или менее фрагментарные, дающие таблицы месяцев и точно отмечающие характер и происхождение каждого дня в году. В качестве образца мы можем взять вторую половину месяца августа из *Fasti Maffeiani*.

A. EID. NP.	C. VOLC. NP.
B. F.	D. C.
C. C.	E. OPIC. NP.
D. C.	F. C.
E. ПОРТ. NP.	G. VOLT. NP.
F. C.	H. NP.
G. VIN. Ф. П.	A. F.
H. C.	B. F.
A. CONS. NP.	C. C.
B. EN.	

В первой колонке приведены нундинальные буквы дней, показывающие их положение в восьмидневной "неделе" от одного рыночного дня (*nundinae*) до другого. Во втором столбце сначала отмечены великие деления месяца - календы, ноны и иды, а затем религиозный характер каждого отдельного дня обозначен определенными знаками, объяснение которых проливает свет на представления о римской религии. Можно заметить, что чаще всего встречаются буквы F, C и N (или в нашем отрывке NP): они соответствуют широкому различию между днями профанными и священными. F (*fastus*) обозначает день, в который можно заниматься государственными делами, в который претор может произносить (*fari*) три слова: *do, dico, addico*, которые подводили итог решениям римского права: C (*comitalis*) - день, в который могут проводиться законодательные собрания (*comitia*): по косвенным признакам это также F. N (*nefastus*), с другой стороны, обозначает священный день, посвященный поклонению богам, в который, следовательно, нельзя заниматься государственными делами: точно так же очень загадочный и вызывающий много споров знак NP, отличается ли он по точному значению от N или нет, безусловно, обозначает день

священного характера. EN, который встречается в этом отрывке один раз (от *endotercisus*, старой латинской формы *intercिसus*), означает "разделенный" день (*dies fissus*), начало и конец которого были священными, а середина была свободна для бизнеса. Во второй колонке также (большими буквами в некоторых других календарях) названы *общественные ферии* (*feriae publicae*), большие ежегодные государственные праздники, назначенные на один конкретный день (*feriae stativae*): в данном случае это Портуналии, Виналии и Консуалии.

Эти *фасты* выставлялись на Форуме и на стенах храмов, и добросовестный римлянин мог без труда узнать, когда он может законно заниматься своими делами и какие праздники отмечает государство: из 355 дней старого календаря 11 были *fissi*, 235 - *fasti* (192 *comitiales*) и 109 *nefasti*. В качестве любопытных особенностей календаря, свидетельствующих о строгом следовании принципу, можно отметить, что за одним исключением, Поплифугией 5 июля, ни один из праздников не проходит перед Нонами, что за двумя исключениями, Регифугией 24 февраля и Эквиррией 14 марта, ни один из праздников не приходится на четный день месяца, и что заметно избегание последовательных праздников: даже три дня Лемурии допускают интервал в один день между каждым.

В вопросе ритуала и его соблюдения государственная организация и ее отсутствие одинаково значимы. Об общей точности ритуала и его специфических вариациях по разным поводам, возможно, уже сложилось достаточное представление; возможно, мы сможем дополнить его, если набросаем обычный процесс жертвоприношения богам. Перед началом жертвоприношения животное для жертвоприношения выбиралось и проверялось: если оно имело какой-либо изъян или проявляло нежелание, его отвергали. Если животное было целым и готовым, его обвязывали филейными частями (*infulae*) вокруг лба, а от них отходили длинные ленты (*vittae*). Затем его подносили к алтарю (*ara*), возле которого стоял переносной мангал (*foculus*). Затем подходил виновник торжества - магистрат или жрец - одетый в *тогу*, подпоясанную особым образом (*cinctus Gabinus*) и поднятую сзади так, чтобы образовать капюшон (*velato capite*): глашатай объявлял тишину, и флейтист начинал играть на своем инструменте. Затем совершалась первая часть жертвоприношения - возлияние вина и разбрасывание благовоний на мангале: за этим следовало торжественное заклинание (*immolatio*) животного. Празднующий окроплял жертву вином и соленым пирогом и делал символический жест ножом. Затем жертву отводили в сторону сопровождающие (*victimarii*) и собственно закалывали: из нее извлекали священные части (*exta*), печень, сердце, желчь, легкие и среднее брюхо, и, осмотрев их на предмет отсутствия отклонений - но не в более ранний период для целей предсказания, - заворачивали в куски плоти (*augmenta*), готовили их и возвращали к празднующему, который клал их в качестве жертвы на алтарь, где они сжигались. Остальная часть плоти (*внутренности*) делилась в качестве священной трапезы между празднующим и его друзьями - или в качестве государственного подношения между жрецами и, вероятно, магистратом. Мы не можем не отметить здесь чрезвычайную точность ритуала, скрупулезную тщательность, с которой выполнялась человеческая сторона договора, и почти законное разделение жертвы между богами и людьми. Но хотя ритуал был настолько точным, не стоит увлекаться современными аналогиями и полагать, что частные лица когда-либо были жестко ограничены в соблюдении праздников. Государственные праздники в самом строгом смысле были подношениями богам, совершаемыми представительными магистратами или жрецами, и если они присутствовали, то все, что требовалось, было сделано: весь народ, в силу юридической фикции, присутствовал в их лице. Несомненно, частный гражданин часто присутствовал в большом количестве на празднествах, особенно на более популярных, но на некоторые, такие как Весталии, он фактически не допускался. С другой стороны, хотя государство и не требовало присутствия,

оно, по крайней мере теоретически, требовало соблюдения праздника частными лицами. Корневое понятие *feriae* - день, отведенный для поклонения богам, и поэтому в этот день гражданин должен был "не делать никакой работы". Государство полностью соблюдало это условие, закрывая суды и не проводя законодательных собраний, и теоретически частный гражданин также должен был воздерживаться от любых действий, не связанных с поклонением богам или абсолютно необходимых, как, например, если "его вол или его осел упадет в яму". Но для Рима характерно, что государство не искало проступков, а наказывало за них только в случае случайной встречи: в праздничный день *rex sacrorum* и *flamines* не могли видеть, как ведется работа; поэтому они заранее посылали глашатая, чтобы объявить о своем присутствии, а фактическое осуждение влекло за собой денежный штраф. Пожалуй, более скрупулезно, чем *feriae*, соблюдались *dies religiosi*, дни "воздержания", в которые запрещались определенные действия, такие как брак, начало любой новой работы или жертвоприношение богам: Такими днями в древнейший период были дни, когда был открыт *tundus* или храм Весты принимал матроны, дни, когда салийцы несли *ancilia* в процессии, и периоды двух праздников мертвых в феврале и мае; но для уклонения от их соблюдения тоже не были неизвестны способы.

В государственной организации религии, таким образом, мы, кажется, видим те же самые черты, с которых мы начали: в основе лежит юридическая концепция отношения бога к человеку, как следствие - крайняя тщательность и точность во времени и церемониях, как следствие в государстве - идея законного представительства и вытекающая из нее слабость сдерживания действий индивида.

ГЛАВА VIII

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ И ПОКРОВИТЕЛЬСТВО

До сих пор мы рассматривали регулярные отношения человека и бога, которые проявлялись в периодических или специальных подношениях, в обетах, в актах очищения и люстрации - все это основывалось на договоре-нотации, на стремлении человека исполнить свой долг,

чтобы боги, в свою очередь, были вынуждены исполнить свой. Но ощущение божественного присутствия и влияния было настолько сильным в сознании римлянина, что он не довольствовался обычными средствами, чтобы заручиться благосклонностью богов, а желал, прежде чем браться за любое важное дело, быть уверенным в их одобрении. Его практический здравый смысл выработал, так сказать, полный "код" - в полете и песне птиц, в направлении вспышки молнии, в поведении людей и животных, с помощью которого, как он полагал, боги сообщали ему о своих намерениях: Иногда эти указания (*auspicia*) могли быть даны богами без спроса (*oblativa*), иногда они давались в ответ на просьбу (*impetrativa*): но в их значении не могло быть никаких сомнений, если они были истолкованы человеком, сведущим в знаниях и традициях авгуров. Мы можем наблюдать здесь, хотя наши свидетельства гораздо слабее, те же три стадии, которые мы заметили в жертвенном культе: домашние покровители, предзнаменования сельскохозяйственной жизни и организованная система в государстве.

В домашнем хозяйстве использование покровительства было изначально очень распространено: "Ни одно важное дело, - говорит нам Цицерон, - не предпринималось без санкции покровителя" (*auspicato*). Право выяснять волю богов, как и следовало ожидать, принадлежало хозяину дома, которому, несомненно, помогал личный авгур как хранитель знаний и толкователь того, что видел хозяин. Но о деталях домашнего предсказания мы знаем очень мало. Катон в одном из отрывков настаивает на исключительной важности тишины для этой цели, а Фест предполагает, что она обеспечивалась тем, что хозяин дома поднимался глубокой ночью, чтобы осмотреть небо. Мы уже видели, что принятие покровительства играло важную роль в церемониях обручения и бракосочетания, а о том, что указания божественной воли могли быть самыми разнообразными, можно узнать из одной истории, приведенной Цицероном. Тетя, желая получить благословение на помолвку своей племянницы, провела ее в открытое освященное помещение (*sacellum*) и усадила на табурет авгура (*sella*), а племянница встала рядом с ней. Через некоторое время девушка устала и попросила тетю уступить ей немного табурета: тетя ответила: "Дитя мое, я уступаю тебе свое место". Больше ничего не произошло, и этот ответ оказался на самом деле благоприятным знаком: тетя умерла, племянница вышла замуж за вдовца и стала хозяйкой дома.

Об авгурах в сельскохозяйственной жизни мы имеем некоторые указания в ежегодном праздновании "весеннего авгура" (*augurium vernisum*) и в церемонии *augurium canarium* в середине лета, которая, по-видимому, представляла собой сочетание подношения рыжей собаки (возможно, для предотвращения плесени) и предсказания успеха урожая. К деревенской прослойке, возможно, относится и *augurium salutis populi*, хотя позже это был ежегодный акт, отмечавшийся, когда римская армия не была на войне, и поэтому он стал связан с закрытием храма Януса.

Государство значительно развило и упорядочило всю систему авгуров и покровителей. Коллегия авгуров по своей значимости уступала только понтификальной коллегии, и их обязанности в отношении как авгуров, так и эспозиции достаточно ясны. Как и *понтифики* в отношении культа, они являются хранителями всех традиций, и к ним можно обращаться во всех сомнительных случаях, как публичных, так и частных: они ревностно хранили свои секреты, и в более поздние времена их взаимное сознание обмана вошло в поговорку. Право авгура, первоначально означавшее просто наблюдение за небом, принадлежало только им, и оно осуществлялось, особенно в упомянутых ежегодных случаях и при посвящении жрецов, типичный пример которого мы находим в рассказе Ливия о посвящении Нумы.

С другой стороны, эспозиции (*avis, spicere*) - по происхождению "знаки от птиц" - были уделом магистрата, который собирался предпринять определенное действие от имени государства, будь то дома или на поле боя. Здесь функции авгура носили лишь подготовительный и консультативный характер. В его обязанности входило подготовить *templum*, место, с которого должна быть взята эгида - всегда квадратное пространство, с границами, не нарушенными, кроме входа, не окруженное стеной или обязательно линией, но четко указанное (*effatus*) авгуром и отделенное (*liberatus*) от окружающей среды: в *comitia* и других местах в Риме были постоянные *templa*, но в других местах они должны были быть специально сделаны. Затем магистрат входит в *templum* и наблюдает за знаками (*spectio*): если возникают сомнения в толковании - а при огромном усложнении традиций (*disciplina*) такое часто случалось, - авгур обращается к толкователю. Требуемые знаки (*impetrativa*) первоначально всегда были связаны с внешним видом, песней или полетом птиц - выше или ниже, слева направо или справа налево и т. д. Позже к ним добавились и другие, а в полевых войсках стало обычным делом брать эгиду от кормления священных кур (*pulli*): лучший знак получался, если они, стремясь к корму, выпускали из клюва немного зерна (*tripudium solistimum*) - результат, которого нетрудно добиться предварительной обработкой и тщательным выбором сорта зерна, поставляемого им. Но помимо этого преднамеренного "испрашивания знаков", общественные дела могли быть в любой момент прерваны, если боги добровольно посылали знак неодобрения (*oblativa*): тогда авгуры должны были всегда быть под рукой, чтобы посоветовать магистратам, следует ли обращать внимание на такие знаки, и если да, то каково их значение, и даже, кажется, они имели определенные права сообщать о появлении неблагоприятных знаков (*nuntiatio*). Самым обычным знаменем была молния, а иногда и такое неожиданное событие, как припадок эпилепсии у одного из членов собрания (*morbus comitalis*), и мы знаем, до чего доходили политические обструкционисты в более поздние времена в наблюдении за вымышленными знаменами или даже в предотвращении дел одним лишь объявлением о своем намерении увидеть неблагоприятное предзнаменование (*servare de caelo*). Сложности и разветвления искусства авгура бесконечны, но основная идея уже должна быть ясна, и следует помнить, что родственное искусство прорицателя (*haruspex*), оракулы и толкование судьбы по жребиям (*sortes*) - все это более поздние иностранные привнесения: ауспиции и авгуры - единственные подлинные римские методы толкования воли богов.

Здесь, в домашнем хозяйстве, на полях и в государстве, мы имеем второй тип отношения к богам, идущий параллельно с обычной практикой жертвоприношений и молитв, отличный, но не принципиально иной. Как в функции человека входит умиловление высших духов и предотвращение, по возможности, разрушения его планов их противодействием, так и в его обязанности входит, если он может, выяснить их намерения, прежде чем приступить к какому-либо серьезному делу. Как в случае с *ius sacrum* его юридический ум заставляет его предположить, что божества принимают на себя ответственность за договор, когда его собственная часть выполнена, так и здесь, как практичный деловой человек, он предполагает, что они строят кодекс общения, который он научился интерпретировать. По своему происхождению это понятие является общим для многих примитивных религий, но в своей разработке оно является специфически и отчетливо итальянским, а в нашем понимании - римским.

ГЛАВА IX

РЕЛИГИЯ И МОРАЛЬ - ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно сказать, что религия - выражение отношения человека к невидимому - не обязательно связана с моралью - действиями человека по отношению к самому себе и своим ближним: что человек - или даже нация - может прекрасно выполнять обязанности, налагаемые "высшими силами", не оказывая влияния на поведение и характер. Такая точка зрения может показаться подходящей иллюстрацией в религии Рима: церемониальный *пиетет* по отношению к богам, кажется, имеет мало общего с формированием человека или нации. Но в истории мира проверкой религий должно быть их влияние на характер тех, кто в них верил: религия, несомненно, сама является результатом характера, но она реагирует на него и должна либо укреплять, либо ослаблять. Поэтому мы не вправе отвергать "Религию Нумы", не выяснив ее отношения к морали, поскольку от ответа на этот вопрос во многом зависит наше суждение о ее ценности.

Конечно, мы находимся в особенно трудном положении, чтобы справиться с этой проблемой из-за отсутствия современных свидетельств. Рим, который мы знаем, в эпоху, когда мы можем справедливо судить о характере и морали, не был тем Римом, в котором "религия Нумы" выросла и осталась непререкаемой: на нее наложились чужие культы и чужие идеи, она использовалась жрецами и магистратами как политический инструмент, а среди образованных людей уценивалась под влиянием философии. Но мы можем помнить, во-первых, что даже тогда, особенно в домашнем хозяйстве и в деревне, старая религия, вероятно, держалась гораздо крепче, чем можно было бы предположить на основании литературных свидетельств, а во-вторых, что национальный характер - это не однодневный рост, так что мы можем смело отнести постоянные черты к тому периоду, когда старая религия держала свои позиции.

Сразу же следует признать, что прямое влияние на мораль было очень незначительным. Не было таблицы заповедей, подкрепленных религиозной санкцией: чувство "греха", за исключением нарушения ритуала, было практически неизвестно. Правда, в самых ранних *leges regiae* встречаются некоторые понятия такого рода - значительный промах того, какими могли быть первоначальные отношения: там предписывается, что покровитель, предавший своего клиента, или клиент, обманувший своего покровителя, должен быть осужден на *Iuppiter*; отцеубийца - духам своих умерших предков, муж, продавший жену, - богам подземного мира, человек, снявший знак земли своего соседа, - *Terminus*, укравший

кукурузу - Церере. Все эти люди должны быть *принесены в жертву*: они оскорбили богов, и боги позаботятся об их наказании. Но это старые представления, которые вскоре отошли на задний план, и государство взяло на себя наказание таких преступников в рамках обычного правового процесса. В молитвах людей к богам также нет и следа прощения о моральных благословениях: магистрат молится об успехе и процветании государства, фермер - о плодородии своих посевов и стад, даже частное лицо, поставив в храме свою votивную табличку, воздаст должное за здоровье или коммерческий успех, гарантированный ему или его родственникам. Люди называют Юпитера величайшим и лучшим, - говорит Цицерон, - потому что он делает нас не справедливыми, умеренными или мудрыми, а здоровыми, богатыми и состоятельными". Еще меньше, пока мы не перейдем к моралистам Империи, ощущается та непосредственная и личная связь человека с высшим существом, которая действительно является в религии, гораздо больше, чем заповеди и предписания, основой и защитой морали: даже концепция Гения, "ближайшего", возможно, из всех невидимых сил, не имела ничего подобного, и может быть значительным, что, именно из-за своей близости к человеку, Гений никогда полностью не достигал божественного начала. Что касается непосредственной связи, то религия и мораль были для римлянина двумя независимыми сферами с очень маленькой точкой соприкосновения.

Даже косвенное влияние формального соблюдения римского культа, на первый взгляд, не способствовало развитию личной или национальной морали. Основанная на страхе, стереотипно оформленная в виде правовых отношений, *religio* - "связанная обязательствами" - несомненно, вызывала в своих приверженцах некую добросовестность, но добросовестность холодную, лишенную эмоций и неспособную распространить себя на другие сферы или побудить к подобной щепетильности в других отношениях. Жесткое и постоянное разграничение священного и профанного склоняло римлянина к выполнению рутинного религиозного долга, а затем, почти со вздохом облегчения, к занятиям обычной жизнью, не неся с собой ничего, кроме чувства сброшенного бремени и залога внешнего благополучия. Даже сам религиозный акт мог быть лишен морального значения: как мы уже видели, поклоняющийся мог быть совершенно не осведомлен о характере и даже имени божества, которому он поклонялся, и в любом случае мотив его действий был ничтожен, а сам акт - все. В римской религии также не было и следа того мощного стимула для нравственности, которым является учение о наградах и наказаниях в будущей жизни: представления о судьбе умерших были зыбкими и расплывчатыми, и римлянина в любом случае гораздо больше интересовало их влияние на себя, чем их возможный опыт после смерти.

Разрыв между религией и моралью кажется почти полным, и не странно, что большинство современных авторов говорят о римской религии как об утомительном ритуальном формализме, почти полностью лишенном этической ценности. Однако самим римлянам она представлялась не в таком свете. Цицерон, каким бы скептиком он ни был, мог говорить о ней как о причине величия Рима; Август, практичный политик, мог верить, что ее возрождение было необходимым условием возрождения римского характера. Увидели ли мы в нашем кратком исследовании его характеристик какие-либо черты, которые могли бы подсказать решение этого очевидного антагонизма? Была ли в этом формализме жизнь, которая ускользает от нас, когда мы перебираем сухие кости антиквариата?

Прежде всего, есть опасность, что мы недооцениваем ценность самого формализма. Это рутина, но рутина не лишена ценности для укрепления характера. Частный гражданин, который день за днем добросовестно совершал поклонение своим домашним богам и месяц за месяцем соблюдал священное воздержание от работы в дни праздников, был, конечно,

не менее приспособлен к тому, чтобы занять место члена напряженной и хорошо организованной общины или покорно и спокойно служить в армии в походе. Даже магистрат при исполнении своих религиозных обязанностей должен был приобретать точность и методичность, которые не были бы бесполезны при ведении государственных дел. А когда мы переходим к истокам этого формализма - правовым отношениям, - связь с римским характером становится сразу же более очевидной. Законодатели мира", развившие конституцию и кодекс до такого систематизированного целого, о котором античность раньше и не мечтала, импортировали, если угодно, свои юридические понятия в сферу религии: но мы не должны забывать и о другой стороне вопроса. Постоянство и успех этого более значительного договора с высшими силами - ощущение того, что боги учитывают и вознаграждают точное выполнение долга - не могло не отразиться на отношениях жизни общества: это была, как бы, высшая санкция на правовую точку зрения: залог того, что отношения гражданина и государства тоже были правильно поняты. "Есть, - говорит Цицерон, говоря о смерти Хлодия языком более поздней эпохи, - есть божественная сила, вдохновившая этого преступника на гибель: не случайно он скончался перед святилищем Бона Деа, чьи обряды он нарушил": божественная справедливость - санкция человеческого закона. Даже в страхе, от которого в конечном итоге все и произошло, было воспитание самоподавления и самоподчинения, которое в более цивилизованную эпоху должно было привести к ценному уважению и повиновению. Потомки тех, кто создал религию из попытки умиротворить враждебную *Нумину*, чувствуя себя не то чтобы в более близких отношениях со своими "неизвестными богами", но лишь, возможно, немного более уверенными в своих силах, вряд ли были лишены дисциплинированного чувства зависимости и понимания ценности уважения к власти, которое одно только может придать стабильность конституции. Если страх у римлян и не был началом теологической мудрости, он все же был важным вкладом в характер дисциплинированного государства.

Но, как я уже не раз намекал в ходе этого очерка, ответ на эту проблему, равно как и ключ к общему пониманию римской религии, можно найти в домашнем богослужении. Если бы мы знали больше, мы бы яснее увидели, где соединились религия и мораль, но мы знаем достаточно, чтобы дать нам ключ к разгадке. Там не только основные события жизни, рождение, отрочество, брак, сопровождаются религиозной санкцией, но и в обычном ходе повседневной жизни постоянно подчеркивается божественное присутствие и зависимость человека. Боги получают свою порцию семейной трапезы, освященные мертвые вспоминаются, чтобы принять свою долю семейных благословений. Результатом стало не просто приближение - коллективное, а не индивидуальное - к тому ощущению близости невидимого, которое так сильно влияет на поступки живых, но и очень крепкие узы семейного союза, которые лежат в основе жизни государства. Трудно найти более четкое выражение этого понятия, чем то, что то же самое слово *pietas*, которое выражает должное исполнение человеком своего долга перед богом, является также идеалом отношений между членами семьи: сыновняя почтительность была, по сути, лишь другим аспектом той правильности отношений, которая проявляется в поклонении богам. Несомненно, в городской жизни более поздних периодов этот идеал разрушался с обеих сторон: домашний культ пренебрегался, а семейная жизнь становилась менее послушной. Но он все еще оставался, особенно в деревне, истинной основой римского общества, и никто не может читать начальные оды третьей книги Горация, не чувствуя силы обращения Августа к нему.

А если перевести это, как мы уже научились, в государственные термины, то можно получить некоторое представление о том, что римляне подразумевали под своим долгом перед религией. Как семья была связана узами общего культа, как на промежуточном этапе род, разделенный политически и социально, все же чувствовал себя воссоединенным в

языческих обрядах, так и государство было спаяно в единое целое регулярно повторяющимися ежегодными праздниками и гарантией божественной санкции на его начинания. Возможно, со временем эти обряды утратили свое значение, и община перестала личным присутствием выражать свое служение богам, но культ остался, как тип союза Рима с высшими силами и гарантия их помощи против всех врагов: религия Рима была, как уже было сказано, освящением патриотизма - высшего нравственного идеала римского гражданина. Было замечено, возможно, с некоторой долей правды, что религия "Энеиды" - во многом обобщение римских мыслей и чувств - это вера в *римские судьбы* и их исполнение. Сама безличность этой концепции дает хорошее представление о том, чем была религия в римском государстве. Это не было, как у иудеев, твердой убежденностью в правоте собственной веры и уверенностью в том, что их божественные покровители должны восторжествовать над покровителями других народов, но ощущением постоянного присутствия неких духов, которые, "если им посчастливится их найти", при уплате положенного им долга внесут свою лепту в великий прогресс права, справедливости и империи, по которому Рим должен идти к своей победе. Долг гражданина, имеющего перед глазами эту концепцию своего города, состоял в том, чтобы проследить за тем, как государство выполняет свою часть договора. От предков он унаследовал традицию, которая подсказывала ему, когда, где и как, и в сохранении этой традиции и ее надлежащем исполнении заключались одновременно долг и слава Рима. "Если мы захотим, - говорит Цицерон, - сравнить себя с другими народами, то в других отношениях мы можем оказаться равными или даже уступающими, но в религии, то есть в поклонении богам, мы намного превосходим их". Религия Рима, возможно, не продвинула вперед теологию или этику мира, но она создала и сплотила нацию.

РАБОТЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РАННЕЙ РЕЛИГИИ РИМА

Золотая ветвь" (2-е изд.). Дж. Г. Фрейзер.

История Рима, КНИГА I. ГЛАВА XII. Th. Mommsen.

Die Religion der Römer. E. Aust.

Religion und Kultus der Römer. G. Wissowa.

Il Culto Privato di Roma Antica, PART I. A. De-Marchi.

Римские праздники. W. Warde Fowler.

Религия Нумы. Дж. Б. Картер.

Отпечатано Т. и А. Констеблями, печатниками Его Величества
в типографии Эдинбургского университета
